

Женские тайны (Азбука-Аттикус)

Элизабет Чедвик
Хозяйка Англии

«Азбука-Аттикус»

2011

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Чедвик Э.

Хозяйка Англии / Э. Чедвик — «Азбука-Аттикус»,
2011 — (Женские тайны (Азбука-Аттикус))

Европа. XII век. Две вдовы. Императрица и королева и одна корона, которую каждая хочет возложить на свою голову, чтобы стать хозяйкой Англии. Генрих I, младший сын Вильгельма Завоевателя, король Англии и правитель Нормандии, еще при жизни завещал свои владения не жене, королеве Аделизе, а своей дочери Матильде, вдове императора Священной Римской империи Генриха V. Однако племянник Генриха I, Стефан Блуаский, после смерти дяди поднял мятеж и захватил престол... Сможет ли узурпатор противостоять железной воле женщин? Сумеет ли он сохранить трон? Впервые на русском языке!

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

© Чедвик Э., 2011
© Азбука-Аттикус, 2011

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	29
Глава 6	33
Глава 7	35
Глава 8	39
Глава 9	49
Глава 10	52
Глава 11	58
Глава 12	60
Глава 13	66
Глава 14	71
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Элизабет Чедвик Хозяйка Англии

Elizabeth Chadwick

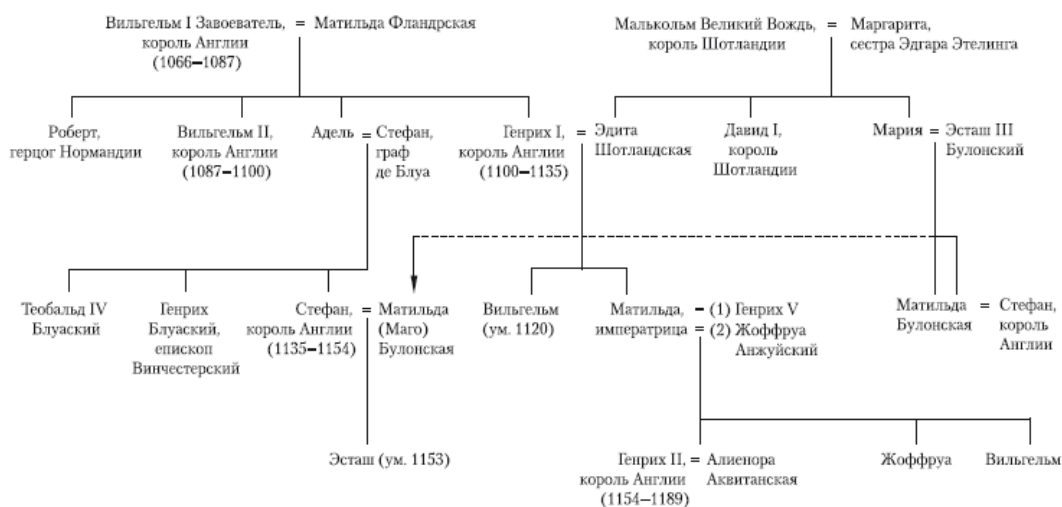
LADY OF THE ENGLISH

Copyright © 2011 by Elizabeth Chadwick

All rights reserved

Перевод с английского Елены Копосовой

Преемственность королевской власти в Англии

Карты выполнены Юлией Каташинской

Глава 1

Шпайер, Германия, лето 1125 года

Матильда взяла в ладони корону покойного мужа-императора. Драгоценные камни и массивное золото холодили пальцы; свет из оконной арки расцветил металл ослепительными искрами. Эту корону Генрих надевал на торжественные церемонии и пиры. У Матильды тоже был подобный убор из золота и сапфиров, изготовленный лучшими ювелирами империи. Одиннадцать лет супружества научили ее носить тяжелый венец грациозно и с достоинством.

Подданные называли ее Матильда Добрая. Конечно, они не всегда были ее подданными, но она давно уже почитала их своим народом, а они ее – своей императрицей. На мгновение скорбь сдавила ей сердце так, что перехватило дыхание. Больше никогда Генрих не наденет этот венец, не улыбнется ей со степенной благосклонностью. Никогда больше не обсуждать им в опочивальне государственных дел, не пить из одного золотого кубка за пиршественным столом. Не взойти на императорский трон отпрыску, рожденному от чресл Генриха и ее чрева. Колыбель опустела, потому что Господь не дал их сыну жить долее одного часа от рождения. Теперь же и сам Генрих лежит в усыпальнице в великом соборе из красного камня, и другой правит тем, чем владели они.

Матильда Добрая. Императрица Матильда. Матильда – бездетная вдова. Слова гулко раздавались в ее мозгу, как шаги в склепе. Если остаться здесь, то к списку ее титулов прибавится еще один: Матильда-монахиня. Однако она не собирается принимать постриг. Ей двадцать три года, она молодая, деятельная, сильная женщина; новая жизнь ждет ее в Нормандии и в Англии – в стране, где она родилась, но которую едва помнит.

Вдовствующая императрица повернулась и передала корону камергеру, чтобы тот надежно упаковал бесценный предмет в кожаный футляр для перевозки.

– Госпожа, если позволите: ваш эскорт готов.

Матильда обратила взгляд на седовласого рыцаря, который с поклоном остановился в дверях. Как и она, рыцарь был одет по-дорожному: в теплую накидку и прочные сапоги из телячьей кожи. Левой рукой воин слегка придерживал рукоятку меча.

– Благодарю, Дрого.

Слуги вынесли последний сундук с ее вещами, и Матильда медленно обошла покои, где остались лишь унылые стены. Драпировки сняли, вокруг очага с умирающим огнем – голые скамьи. Очень скоро ничто не будет напоминать о том, что она жила здесь когда-то.

– Прощание – это всегда трудно, госпожа, – сочувственно заметил Дрого.

Все еще оглядываясь, словно ее взор запутался в паутине невидимых нитей, Матильда задержалась у выхода. Она вспомнила, как восьмилетней девочкой стояла в Льеже в огромном зале и едва не падала от усталости после долгого пути из Англии. Все ее существо было исполнено страха и непосильной ответственности: ей велели покинуть родное гнездо и отправиться в чужую страну для обручения со взрослым мужчиной. Союз устроил ее отец, преследуя политические цели, и юная Матильда знала, что не может ослушаться отца, ведь он великий король, а она сама принцесса, носительница королевской крови. Этот брак мог сломать ее, но вышло – создал: робкая, прилежная девочка превратилась в величественную даму и достойную спутницу императора Германии.

– Я была счастлива здесь. – Матильда взялась за резной косяк, и в этом жесте слились и желание удержать прошлое, и прощание.

– Ваш отец будет рад видеть вас.

Матильда отпустила косяк и расправила накидку:

- Не нужно уговаривать меня, словно норовистую лошадь.
- Госпожа, и в мыслях такого не было!
- Что же было у вас в мыслях?

Дрого сопровождал девчушку в том первом долгом путешествии и с тех пор был ее телохранителем и предводителем рыцарей: сильным, суровым, надежным. Восьмилетней Матильде он казался стариком, хотя было ему тогда всего тридцать лет. С тех пор Дрого мало изменился, если не считать того, что морщины стали глубже да появилось несколько новых.

- Я хотел сказать, что перед вами открытая дверь.
- И что вот эту дверь пора закрыть?
- Нет, госпожа. Эта дверь сделала вас императрицей, потому-то ваш отец и призывает вас.

– Ах, это всего лишь одна из причин, которыми он руководствуется, – отозвалась Матильда. – Отца я не видела много лет, но знаю его хорошо. – Решительно выдохнув, она вышла из комнаты с такой горделивой осанкой, как будто голову ее по-прежнему венчала тяжелая императорская корона.

Свита ожидала в полукруге придворных, вассалов и слуг. Основную часть багажа Матильды отправили на повозках тремя днями ранее, и только ближайшее ее окружение осталось с несколькими вьючными лошадьми, чтобы везти провизию и те вещи, которые она хотела иметь при себе. Капеллан Бурхард все поглядывал на мерина, груженного утварью для дорожной молельни. Матильда проследила за его взглядом, поняла, что капеллан беспокоится об известном ей кожаном ларце в одной из переметных сум, и повернулась к своей кобыле. Императрице приготовили роскошное седло¹ – кораллового цвета, расшитое узорами и подбитое конским волосом, такое же мягкое, как ее скамья перед камином, с поддержкой для спины и опорой для ног. Езда на таком седле не самый быстрый способ путешествовать, зато пристойный и внушительный. Города и селения, мимо которых они поедут, ждут от вдовы только что почившего правителя блестящего великолепия, и ничто меньшее их не устроит.

Матильда взобралась на лошадь, устроилась в седле и аккуратно поставила ноги на подножку. Сидя боком, можно смотреть и вперед, и назад. Как это уместно. Она приподняла узкую руку. Дрого принял сигнал: кивнул почтительно и поскакал вперед, чтобы возглавить рыцарский отряд. Развернулись штандарты – золотые, красные и черные, герольды пустили лошадей легким галопом, и кавалькада вытянулась вдоль дороги, словно нанизанные на нить бусины. Вдовствующая императрица Германии покидала дом своего сердца, чтобы вернуться в дом своего рождения и принять новые обязательства.

Аделиза вцепилась в простыни и, закусив губу, подавила стон. Наконец Генрих вышел из нее. В свои почти шестьдесят он все еще крепок и бодр. От его напористых движений внутри у нее саднило, и своим весом он едва не раздавил ее. К ее облегчению, супруг приподнялся и откинулся рядом на спину, тяжело пыхтя. Королева положила ладонь себе на живот и попыталась отдышаться. Природа щедро одарила Генриха, и сношение с ним часто причиняло ей боль, однако она горячо надеялась, что на этот раз Господь сподобит ее понести.

Уже четыре года она была супругой Генриха и королевой Англии, но каждый месяц в положенный срок неотвратимо приходили регулы и терзали ее тело кровавыми спазмами отчаяния. Несчетные молитвы, дары, епитимьи и снадобья пока не исцелили женщину от

¹ В XII веке дамское седло представляло собой своеобразную подушку с упором для спины, дополненную снизу дощечкой для ног. Дама располагалась в таком сооружении боком, плечи параллельны корпусу животного. Обычно слуга вел лошадь под уздцы. Иногда дама ехала, сидя боком за кавалером.

неспособности зачать. Генрих имел множество детей от разных любовниц, то есть немощным он не был, но от его первого брака в живых остался только один законный ребенок – дочь Матильда. Был еще сын, он погиб незадолго до женитьбы Генриха на Аделизе – утонул в кораблекрушении черной ноябрьской ночью. О трагедии, лишившей его наследника, Генрих редко говорил, однако именно она определила всю политику короля. Роль супруги в этой политике сводилась к рождению нового наследника. Увы, до сей поры свой долг она не сумела исполнить.

Король поцеловал жену в плечо, после чего раздвинул полог и слез с кровати. Аделиза смотрела, как он чешет серебряные завитки на широкой груди. Его коренастую фигуру утяжеляло брюшко, но не портило, так как тело его было мускулистым и соразмерным.

Генрих потянулся и издал рык сытого льва. Даже если их союз не принес иных плодов, думала Аделиза, по крайней мере, с ней супруг находит отдохновение. Его сексуальный аппетит был неутолим, и в те дни, когда он не ложился с ней, развлекался с другими дамами.

Он налил себе вина из фляги, поставленной на расписной короб у окна, а на обратном пути к ложу подобрал свою мантию и набросил на плечи. Беличий мех блеснул в неярком сиянии свечи серебристо-голубой волной. Аделиза села в постели и обхватила колени руками. Жжение между бедер стихло, осталась ноющая боль. Генрих протянул ей кубок, и она отпила глоточек.

– Скоро прибудет Матильда, – произнес он. – Бриан Фицконт завтра должен встретить ее на дороге.

Аделиза видела по выражению его лица, что в мыслях он уже плетет паутину политики.

– Для нее все готово, – ответила она. – Слуги поддерживают жаркий огонь в покоях, изгоняя сырость и холод. Я велела им жечь благовония и расставить чаши с розовыми лепестками, чтобы освежить воздух. На стенах сегодня повесили новые шпалеры, закончили убранство. Еще...

Генрих поднял руку, останавливая ее:

– Не сомневаюсь, покои будут великолепны.

Аделиза смутилась и потупила взор.

– Думаю, вы подружитесь. Вы же почти одного возраста. – Генрих снисходительно улыбнулся.

– Странно будет называть ее дочерью, она все-таки старше меня.

– Ничего, вы обе быстро привыкнете. – Он все еще улыбался, однако Аделиза понимала: супруг уже думает о чем-то другом.

Разговоры Генриха никогда не были пустыми пересудами; за каждым словом стояла цель.

– Я прошу вас сблизиться с ней. Ее долго с нами не было, и мне нужно думать о ее будущем. Что-то решит совет, что-то должно остаться между отцом и дочерью, но есть вещи, которые женщине лучше обсуждать с женщиной. – Он провел по ее щеке сильной широкой ладонью. – Вы умеете обращаться с людьми, они с вами откровенны.

Аделиза нахмурилась:

– Вы желаете, чтобы я вошла к ней в доверие?

– Тогда я буду знать, что у нее на уме. За пятнадцать лет я видел ее лишь однажды, да и то всего несколько дней. В своих письмах она рассказывает мне о своей жизни, но составлены они языком писцов, а мне нужно понять ее истинный характер. – Его глаза холодно сверкнули. – Нужно понять, достаточно ли она сильна.

– Сильна – для чего?

– Для того, что я определю ей.

Генрих отвернулся, зашагал по опочивальне, на ходу то перекидывая из одной руки в другую свиток, то поигрывая скипетром. Наблюдая за мужем, Аделиза думала, что он уди-

вительно похож на жонглеров, которых иногда приглашали для развлечения двора. Подобно им, он тоже подбрасывает и удерживает в воздухе шары, в любой миг знает, где каждый находится и что с ним делать, быстро принаравливается, если добавляется новый предмет, и отбрасывает тот, который становится ему ненужным. Не имея законнорожденного сына, он вынужден думать о преемнике. До сих пор он возвращал под своим крылом племянника Стефана как возможного наследника, теперь же Матильда овдовела и, значит, может приехать домой и снова выйти замуж. Условия игры поменялись. Но неужели он думает о том, чтобы сделать Матильду наследницей Англии и Нормандии? Это небывалая смелость. Даже самые вольнодумные бароны при мысли о правителе в юбке поперхнутся вином. В недоумении Аделиза свела брови.

Ее супруг часто шел на риск, однако никогда не действовал в запале и привык всех подчинять своей железной воле.

– Она молода и здорова, – продолжал он. – И способна к деторождению, у нее был ребенок, хотя и не выжил. Матильда снова выйдет замуж и, если будет угодно Господу, родит еще сыновей.

Сердце Аделизы сжалось. Если будет угодно Господу, она и сама родит сыновей. Однако она понимала: Генрих должен готовить и другие пути.

– Вы уже подобрали для нее кого-то?

– Есть несколько кандидатов, – заметил он небрежным тоном. – Вам нет нужды беспокоиться на этот счет.

– Но когда придет время, мне надо будет улаживать разногласия.

Генрих забрался в постель и натянул на них обоих покрывало. Он еще раз крепко поцеловал ее.

– Блюсти мир – это долг, привилегия и прерогатива королевы, – ответил супруг. – И я знаю, вы никогда не подведете меня.

– Не подведу, – согласилась Аделиза.

Когда Генрих затушил пальцами свечу, она вложила ладонь между бедрами, скользкими от его семени, и вознесла молитву о том, чтобы на этот раз у нее получилось.

Глава 2

Дорога в Руан, Нормандия, осень 1125 года

День начался с ненастного утра, но постепенно распогодилось, пока Матильда со свитой пересекала леса в окрестностях Бове на пути к великому Руану, что стоит в сердце Нормандии, на берегу Сены. Теперь до заката оставалось не более часа, и голубое небо радовало глаз, зато усилился ветер – его порывы нещадно трепали одежду. Вечером им предстоит разбить лагерь для ночевки прямо у дороги. В полдень должны были подъехать встречающие из Руана во главе с одним из отцовских баронов, Брианом Фицконтом, однако пока их было не видать, и в душе Матильды росло нетерпеливое раздражение. К тому же ее кобыла повредила правую заднюю ногу и захромала, так что Матильде ничего не оставалось, как пересесть к Дрого и ехать у него за спиной, словно она была женщиной из его семьи, а не госпожой. Рыцари и прислуга старались держаться от нее подальше. Мягкое замечание Дрого о том, что через сутки они будут в Руане, где их ждут всевозможные удобства, не улучшило настроения Матильды: она привыкла к точности и порядку.

Налетел очередной порыв ветра, и ей пришлось уцепиться за перевязь Дрого, чтобы не упасть.

– Я отказываюсь въезжать в Руан подобным образом, – прошипела она.

– Госпожа, в крайнем случае я дам вам эту лошадь, а сам оседлаю запасную. Но сегодня уже нет смысла что-то менять, скоро стемнеет. – Он говорил с прагматичным спокойствием человека, давно знакомого с ее дотошностью.

Матильда посмотрела на расплавленное золото закатного солнца и призналась себе, что Дрого прав. И все равно она сердилась. Почему люди не в силах выполнить то, что обещали?

Неожиданно рыцарь натянул поводья, и Матильда ткнулась ему в спину.

– Прошу прощения, госпожа, – сказал Дрого. – Кажется, наш эскорт из Руана прибыл.

Выглянув из-за его широкого плеча, она увидела, что к ним приближаются повозки в сопровождении всадников.

– Мне надо спешиться, – скомандовала императрица.

Дрого спрыгнул с коня и помог спуститься Матильде. Она расправила платье, запахнула плотнее мантию и выпрямилась. Это было непросто – шквальные вихри сбивали с ног и рвали вуаль, которая, к счастью, была подколота к наголовнику.

Тем временем всадники подскакали и остановили заляпанных грязью лошадей. Их предводитель соскочил с черного красавца-жеребца и, сорвав с головы шапку, упал перед Матильдой на одно колено.

– Вы опоздали, – ледяным тоном обронила она. – Мы ждали вас с полудня.

– Госпожа, нижайше прошу простить меня. Мы приехали бы раньше, но одна из повозок сломалась, а потом путь нам преградило упавшее дерево. Ветер все усложнил, и мы двигались медленнее, чем могли бы.

Матильда замерзла, устала и не хотела слушать оправданий.

– Встаньте, – приказала она.

Он вытянулся во весь рост. У него были невероятно длинные ноги, – казалось, они будут выпрямляться бесконечно. Сапоги из отличной кожи оплетала красная шнуровка. Черные волосы бились вокруг лица, с которого смотрели на Матильду темные, как торфяное болото, глаза. Линия его губ от природы была изогнута будто в улыбке, хотя он был серьезен.

– Миледи, я Бриан, сын Алена, герцога Бретани, и сеньор Уоллингфорда. Полагаю, вы меня не помните. Последний раз мы видели друг друга, когда вы заверяли в Ноттингеме одну из хартий вашего отца, я же тогда только прибыл к его двору молодым оруженосцем.

– Это было очень давно, – все еще недовольная, заметила Матильда.

– Да, госпожа. – Он указал на своих спутников, которые тоже спешили и преклонили колени. – Мы привезли удобный шатер и провизию. Сейчас разобьем лагерь. Вам не придется долго ждать.

– Мне придется ждать еще меньше, если вы скажете вашим людям, чтобы они встали наконец на ноги и принялись за работу, – процедила Матильда. – При необходимости вам помогут мои слуги.

С неподвижным лицом Фицконт поклонился и отошел, на ходу выкрикивая резкие приказы. Десятки сержантов и работников бросились к повозке распаковывать части большого круглого шатра. Наружное красно-синее полотнище украшали изображения золотых львов. Внутри шатер затянули бледным шелком, а на изогнутых распорках повесили роскошные шпалеры из шерсти.

Ветер надувал полотна, словно паруса в шторм. Матильда наблюдала, как борются с ними слуги, и мысленно качала головой. Не будь она так сердита и измучена, то посмеялась бы.

Один человек из отряда Бриана, широкоплечий юноша, осматривал ее кобылу, поглаживая хромую ногу и тихо приговаривая, чтобы успокоить животное. Когда он заметил, что Матильда обратила взор на него, то отвесил поклон и сказал:

– Госпожа, ей нужен отдых и теплая припарка из отрубей на это колено. Просто она утомилась от долгого пути, в остальном здорова. – Он ласково почесал кобыле шею.

Судя по меховой накидке и расшитой орнаментом котте, юноша не был простым конюхом. Черты его открытого лица притягивали взгляд прежде всего необыкновенными золотисто-карими глазами.

– Вы тоже были в Ноттингеме с милордом Фицконтом? – спросила Матильда.

Он тряхнул головой:

– Нет, госпожа, но там, скорее всего, был мой отец Вильгельм Д’Обиньи, владелец Бакенхема в Норфолке и один из виночерпиев вашего отца.

– Его я не помню, – произнесла она, – но наслышана о вашей семье.

Очевидно, этот Д’Обиньи принадлежал к группе «золотой» молодежи, обретающейся при дворе, и ему нашли дело, отправив вместе с Фицконтом встречать ее.

– А ваше имя?

– Вильгельм, назван в честь отца.

– Что ж, Вильгельм Д’Обиньи, как я посмотрю, вы разбираетесь в лошадях.

Он широко улыбнулся ей, обнажив красивые крепкие зубы:

– Только немного, госпожа, – и потер мягкий нос кобылы широкой ладонью.

– Надеюсь, у милорда Фицконта найдется для меня лошадь.

– Убежден, что найдется, госпожа.

Однако Матильда не разделяла его уверенности. До них доносились звуки жаркой перебранки – никак не могли найти колышки для закрепления шатра, и все винули друг друга.

– При дворе моего мужа такого не случилось бы, – с недовольным лицом заметила Матильда.

Д’Обиньи добродушно пожал плечами:

– Бывают такие дни, когда за что ни возьмешься – все валится из рук; сегодня как раз такой.

Он повел кобылу к привязи, где стояли остальные лошади, поощряя ее причмокиванием.

Колышки нашлись совсем не там, где ожидалось, последовал очередной обмен проклятиями, наконец их вбили в землю – шатер был закреплен. Распоряжался установкой сам Бриан Фицконт. Он то и дело ерошил волосы рукой; его смущение и отчаяние росли с каждой минутой.

Однако постепенно хаос сменился порядком, и вскоре Матильда смогла войти в шатер и по крайней мере укрыться там от ветра, хотя полотнища хлопали как крылья и, казалось, старались поднять всю конструкцию в воздух. Засуетились камеристки, приготавливая для нее кровать: на подвесной каркас постелили несколько тюфяков и накрыли их чистыми простынями и мягкими одеялами. Лакеи отгородили половину шатра занавесом, внесли стул с мягким сиденьем, появились скамья и небольшой стол.

Матильда продолжала стоять со сложенными на груди руками.

В шатер вошел Бриан Фицконт, а следом за ним слуги внесли флягу и кубки, буханки хлеба, разные сыры и копченое мясо.

– Мои люди устраивают ограду для защиты от ветра, – сообщил он. – Хорошо, что нет дождя.

– Да, – согласилась Матильда, подумав, что дождь переполнил бы чашу ее терпения.

Тем временем слуги накрыли стол вышитой скатертью, расставили еду и питье. Вдовствующая императрица опустилась на стул и, прежде чем успела передумать, мановением руки пригласила Бриана сесть. Полезно будет узнать, что происходит при дворе, до прибытия туда.

Фицконт не сел сразу, а сначала выглянул наружу и выкрикнул еще несколько распоряжений, затем закрыл полог и сам стал прислуживать Матильде. Пока он наливал вино в серебряные кубки, она обратила внимание на его длинные пальцы. Сверкнул изумрудом один перстень, витым золотом другой. Руки его были чистыми, с аккуратно подстриженными ногтями, но с чернильными пятнами, как у простого писца. Императрица попыталась припомнить свои детские впечатления о Фицконте, но не смогла: если они и встречались, то случилось это слишком давно, и был он тогда всего лишь одним из пажей при дворе.

– Как мой отец, здоров ли? – Она сделала глоток. Вино струйкой тепла потекло в ее застывшее тело.

– Здоров, госпожа, и рад грядущей встрече с вами, пусть и при печальных обстоятельствах.

– После отъезда из Англии мы с ним виделись всего лишь раз, – проговорила Матильда. – Знаю я, почему он рад моему возвращению.

Они помолчали. Матильда заключила, что защиту от ветра успешно установили, поскольку стены шатра колыхались меньше, чем поначалу. Она отломилась хлеба и съела его с куском копченой оленины, знаком велел Фицконту тоже приступить к трапезе.

– Вы бы предпочли остаться в Германии?

Прямота вопроса застигла Матильду врасплох. Она ожидала, что Фицконт продолжит играть роль почтительного придворного.

– Отец приказал мне вернуться, и мой долг – слушаться его. Да и что бы я делала в Германии без мужа? У его преемника свой круг приближенных. Пришлось бы или выйти за одного из них, что пошло бы вразрез с политикой отца, или постричься в монахини и отдать жизнь служению Господу.

– Это достойный выбор.

– Но я еще не готова отказаться от мира. – Она пылливо посмотрела на него. – Мой отец не обсуждал с вами мое будущее?

Фицконт спокойно выдержал ее взгляд.

– О планах он говорит только в самых общих чертах и даже если бы доверил мне свои помыслы, то мне не пристало бы их разглашать. Но вы и сами, госпожа, догадываетесь о его намерениях. Не будь у вашего отца планов относительно вас, вы до сих пор находились бы в Шпайере.

– Разумеется, я знаю, что у него есть планы, но не знаю, в чем они состоят.

Матильда откинулась на спинку стула, пытаясь немного расслабиться. По другую сторону занавеса тихо переговаривались ее придворные дамы.

Бриан тоже отклонился, как в зеркале повторив ее позу.

– Вы покинули Англию маленькой серьезной девочкой, которая желала учиться и исполнить свой долг. Я хорошо помню вас в те годы, но вы меня можете и не припомнить. Вам не хотелось уезжать, но вы сжали волю в кулак и сделали то, что от вас требовали, ибо таков был ваш долг. Вижу, в этом вы не изменились, только теперь вы императрица и взрослая женщина. Вы привыкли держать в руках бразды правления и повелевать.

Она едко усмехнулась:

– Это верно, милорд, растяп я не терплю.

– Вы истинная дочь своего отца, – ответил он с невозмутимым видом, однако в глазах промелькнула искра.

Матильда едва не рассмеялась, ей даже пришлось торопливо прикрыть рот рукой. Это все вино, подумала она. Вино и усталость. А потом вдруг от скорби у нее сжалось горло – эта смесь политики и тончайшего флирта так походила на то, что было у них с Генрихом, что она вновь ощутила всю боль утраты. Женщина сглотнула и ровным голосом проговорила:

– Да, я и вправду дочь своего отца. Если вы не можете поведать, что ожидает меня в будущем, хотя бы расскажите, что происходит при дворе, чтобы я подготовилась.

Бриан предложил ей еще вина, но она отрицательно покачала головой. Тогда он подлил себе полкубка.

– Вы знали двор своего мужа, потому быстро освоитесь и при дворе отца. И там, и тут одни и те же персонажи.

– Но кто друг, а кто враг? Кому можно доверять, кто наиболее сведущ в делах государства?

– Это решать вам, госпожа, а советчиком может быть только ваш отец.

– То есть вы опять ничего мне не скажете.

Фицконт протяжно выдохнул:

– Короля окружают люди, которые хорошо ему служат. Ваш брат, граф Глостерский, будет очень рад вашему приезду. Среди тех, кто первыми встретит вас, будут также ваши кузены Стефан и Тибо.

Его лицо ничего не выражало. У Матильды остались смутные воспоминания о блуаской родне. Оба кузена были старше. Они занимались своими мальчишескими делами и мало внимания уделяли юной Матильде, кроме тех случаев, когда прислуживали ей и ее матери за столом в качестве пажей.

– Кажется, Стефан недавно женился? – Ей писали об этом в свое время, но она была слишком поглощена уходом за больным мужем, чтобы заинтересоваться новостью.

– Да, на Маго, булонской наследнице. Ваш отец счел этот брак разумным – он укрепил наши северные границы.

Матильда задумалась. Маго Булонская приходилась ей двоюродной сестрой по материнской линии, в то время как Стефан был родней со стороны отца – действительно, прочные семейные узы. Что же задумывал отец, когда сплетал все эти нити? Он был непревзойденным мастером ткать узор политики.

– Что теперь представляет собой Стефан?

Бриан пожал плечами:

– После свадьбы остепенился. Отменный наездник и воин. Легко заводит дружбу, и король благоволит ему.

От такой оценки Матильде стало тревожно. У Стефана было достаточно времени, чтобы завоевать расположение ее отца и получить влияние, которого у нее самой не было.

– А как вы к нему относитесь?

Отвечая, Фицконт подбирал слова осторожно:

– Надежный товарищ на охоте, и мы неплохо понимаем друг друга. Стефан знает, когда нужно оставить меня наедине с книгами и мыслями, а я знаю, когда он хотел бы побыть в шумной мужской компании. Сейчас на него большое влияние оказывает жена: придает ему целеустремленности, у нее всегда наготове хороший совет. – Бриан допил вино. – Ваш отец пленил Галерана де Мелана за то, что тот поднял восстание. Однако Вильгельм Клитон до сих пор остается угрозой.

– Это давно известно, – нетерпеливо отмахнулась Матильда. – Вильгельму Клитону не стать королем, поскольку у него нет к этому способностей, и Галеран де Мелан – глупец, раз поддержал его.

– Тем не менее их действия определяют политику вашего отца в настоящем и будущем. Возможно, именно из-за них он так возвысил Стефана – в качестве противовеса.

Стенки шатра надулись под новым шквалом бури, и неожиданно Матильда почувствовала прилив сил. Захотелось, чтобы ветер сдул все, что было раньше, и оставил бы мир пустым и чистым. Королю приходится удерживать трон в постоянной борьбе с оппозицией. Он объединил под своей властью Англию и Нормандию, отобрав их у старшего, менее осмотрительного брата Роберта. Брата Генрих заключил в тюрьму, где тот пребывал и по сей день. Однако у Роберта остался сын, Вильгельм Клитон, еще один кузен Матильды, который заявлял о своих правах на трон. Молодые горячие головы вроде Галерана де Мелана поддерживали его, и хотя ее отец подавил мятежи, как солдат затаптывает вспыхнувший огонь, в воздухе еще чувствовался запах дыма. А там, где вспыхнул один пожар, может загореться и другой, и третий. У Галерана имелся брат-близнец, и круг интересов их влиятельной семьи захватывал как Англию, так и Нормандию.

Интриги, думала Матильда. Настоящий король умеет сплести нити воедино, следя, чтобы ни одна из них не выбилась из ткани его планов, и при этом приглядывает за теми, кто плетет свои узоры.

Она внимательно смотрела на Фицконта. По-видимому, отец считает его полезным и неспроста приблизил ко двору. Бриан Фицконт содержит сотню рыцарей благодаря женитьбе на Мод, наследнице Уоллингфорда. Но что можно сказать о нем сейчас, после их первой встречи? Его появление блестящим не назовешь, однако Вильгельм Д’Обиньи отозвался о нем достаточно высоко. Матильда догадывалась, что Фицконт умеет скрывать свои мысли и что мысли эти не поверхностны. Как бы неудачно ни сложилось их знакомство, легкомысленным недотепой этот человек не был.

Когда Бриан ставил кубок на стол, взгляд Матильды вновь привлекли чернильные пятна на его изящных пальцах.

– Вы сами пишете письма, милорд?

– Порою да, – смущенно улыбнулся он. – С пером в руках мне лучше думается. Я люблю набрасывать заметки сам, хотя чистовым вариантом занимаются писцы. Своим образованием я обязан вашему отцу.

– Он высоко вас ценит, судя по всему.

– А в ответ я почитаю его и служу ему верой и правдой. – Бриан откашлялся и встал на ноги. – Миледи, прошу вашего позволения удалиться. Нужно проверить, все ли готово к завтрашнему дню.

– Можете идти, – церемонно произнесла Матильда. – Надеюсь, вы сумеете подыскать для меня лошадь.

– Разумеется, госпожа, это моя первая и наиважнейшая задача. – Фицконт поклонился и вышел из шатра.

Как только за ним опустился полог, из-за перегородки выпорхнули ее камеристки, Эмма и Ули. Императрица позволила им снять с нее платье и расчесать ей волосы, после чего отослала их. Ей хотелось остаться одной и подумать. Сняв с кровати покрывало, она завернулась в него и удобно устроилась на стуле: колени подтянуты к подбородку, голова опирается о кулак.

А в это время Фицконт стоял на ветру и глубоко дышал, сбрасывая напряжение. Он не ожидал, что дочь короля окажется столь вспыльчивой и приметливой. Ее взгляд был острым как нож и резал если не плоть, то душу; по крайней мере, так показалось Бриану после их короткой беседы. Когда он сегодня подъехал к Матильде на дороге, она посмотрела на него как на безмозглого неумеху, и его все еще жег стыд. Оставалось только надеяться, что с тех пор он сумел немного вырасти в ее глазах, однако, если к утру для императрицы не найдется лошадь, репутация его будет безнадежно погублена. Ничего не поделать – придется посадить ее на своего жеребца, а самому довольствоваться кобылой оруженосца. А парень пусть сядет за спину одному из сержантов.

Из маленького шатра вынырнул седовласый рыцарь, возглавлявший кортеж императрицы, – очевидно, поджидал Бриана.

– Мою госпожу всегда огорчает, когда нарушаются планы, – сказал он, но не в оправдание повелительницы, а скорее упрекая Фицконта.

– Я принес свои извинения и сделал все возможное, чтобы исправить положение, – ответил Бриан. – Можете быть спокойны: императрица въедет в Руан достойно, как подобает.

Рыцарь не спускал с него тяжелого взгляда:

– Милорд, вы еще убедитесь в том, что моя госпожа не привыкла поступаться принципами.

Поверенный короля прикусил язык: резкий ответ чуть было не сорвался с его губ.

– Миледи убедится, что к ее прибытию в Руан подготовились надлежащим образом.

– Я служу ей с тех пор, как она была девочкой, – продолжил рыцарь. – У меня на глазах Матильда выросла, стала женщиной и обрела власть в качестве супруги императора. Она обладает величием. – Он глянул на шатер, из которого только что вышел Бриан, и понизил голос. – Но при этом она хрупка и нуждается в нежной заботе. Кто даст ей эту заботу, если ее гордость служит ей одновременно и щитом, и мечом? Кто разглядит в императрице испуганного ребенка и ранимую женщину?

Какое-то чувство шевельнулось в душе Бриана, он не мог точно назвать его – это была не жалость, не сострадание, а нечто более сложное и опасное. Серо-голубые глаза Матильды, прозрачные как стекло, смотрели на него сегодня с вызовом и даже с презрением. Поверенный короля не находил в ней того, о чем говорил стареющий рыцарь, но это потому, что он, Бриан, совсем еще не знает ее. Пока он видел другое: прямоту и силу. Она словно взяла остро заточенное перо и вывела эти два неизгладимых слова у него на коже.

Глава 3

Руан, осень 1125 года

Штормовой ветер иссяк, и безмятежное солнце подсвечивало упряжь и снаряжение кортежа. В его свете ярко переливалось платье Матильды из красного шелка, блестел мех горноста, сверкала драгоценная диадема, скрепляющая на ее голове белую вуаль. Жители Руана высыпали ей навстречу, и миледи повелела рыцарям раздавать от ее имени щедрые дары. Впереди скакали герольды, фанфарами и выкриками возвещая прибытие вдовствующей императрицы Германии, дочери короля. Сердце ее наполнилось триумфом и гордостью, когда она ехала через ликующую толпу. Голову женщина держала высоко, как полагалось даме ее ранга, но время от времени позволяла себе улыбнуться – гордо и милостиво.

Соболь, жеребец Бриана Фицконта, был горяч, однако хорошо выезжен. Сам представитель английского монарха скакал на коренастом кауром кобе, который был низковат для его длинных ног. Бриан старательно делал вид, что не замечает несоответствия. После вчерашних сбоев новых проблем не возникло, все шло по плану. Матильда все еще не простила ему опоздания, но готова была подождать, прежде чем поставить на нем крест.

Когда они въехали под своды герцогского замка на берегах Сены, жеребец запрядал ушами, заплясал, почуяв волнение наездницы. Почти шестнадцать лет миновало с тех пор, когда она останавливалась здесь ненадолго по пути на церемонию обручения. Воспоминания о тех днях туманными призраками прошлого скользили между камнями и булыжниками настоящего.

Слуга поспешил взять Соболя под уздцы. Дрого спешился, чтобы помочь госпоже спуститься, но Бриан Фицконт опередил его и первым подскочил к Матильде. Она, подавая ему руку, отметила, что уже знакомые ей чернильные пятна никуда не делись, да еще прибавились новые. Должно быть, работал в своем шатре после того, как поужинал с ней. Она одобрила такое трудолюбие. Было что-то согревающее в мысли о том, что в темное время ночи, когда другие спали, Фицконт размышлял с пером в руках.

Высокий широкоплечий человек двинулся ей навстречу с распростертыми объятиями. Молодая вдова озадаченно посмотрела на него, а потом земля покачнулась у нее под ногами и прошлое слилось с настоящим. Матильда узнала своего старшего единокровного брата.

– Роберт? – прошептала она и повторила затем в полный голос: – Роберт!

Его темно-синие глаза светились гостеприимством, пока он, сжав ее ладони в своих, целовал ее в обе щеки с сердечным теплом и при этом умудрялся соблюдать приличествующий случаю этикет.

– Сестра! Как прошло ваше путешествие?

– По большей части неплохо. Вчера моя лошадь захромала.

– То-то я удивился, увидев вас на Соболе Бриана. – Роберт быстро глянул на Фицконта. – Он хорошо позаботился о вас?

– Насколько смог, – произнесла она с каменным лицом.

Бриан поднял брови, а Роберт хохотнул:

– Звучит угрожающе.

– Я опоздал к условленному сроку, – пояснил Бриан, – и вчерашняя буря помешала быстро установить шатры. Их чуть не унесло за море!

Затем он с поклоном попросил разрешения отойти – присмотреть за тем, как багаж императрицы переносят в отведенные ей покои. Роберт посерьезнел:

– Бриану вы можете доверить свою жизнь. Я готов поручиться за него. А еще это один из умнейших людей в окружении нашего отца.

– Поверю вам на слово, – с улыбкой ответила Матильда.

Роберт старше ее на двенадцать лет и был уже совсем взрослым, когда она уехала в Германию. Тем не менее сейчас между ними сразу возникла близость – у нее появилось теплое чувство, как будто она вновь надела любимое одеяние, долгие годы пролежавшее в сундуке.

– Даже если Бриан чем-то обидел вас, не будьте к нему слишком строги.

– Ничем он меня не обидел, и у него прекрасный конь. Просто все пока так неопределенно...

Они пошли к входу в жилую башню, и брат с душой произнес:

– Сочувствую вашей утрате. Жаль, что вас привели сюда столь печальные обстоятельства.

– Благодарю. Я глубоко горюю о смерти мужа, – призналась Матильда, – но нужно думать о будущем. Вот почему я здесь. Отец призвал меня не для того, чтобы предаваться скорби.

Роберт ничего не сказал, но выражение его лица было достаточно красноречиво.

Двери в огромный зал распахнулись. Путь оказался застлан красной тканью и усыпан цветами. По обе стороны теснились придворные, и когда Матильда с братом проходили мимо, те преклоняли колени, шурша одеждами и позвякивая драгоценностями. Вдовствующая императрица вышагивала с неторопливой величавостью, смотрела прямо перед собой – императрица от головы до кончиков пальцев. Торжественность церемонии наполнила ее душу покоем.

В дальнем конце зала на помосте стояло два трона. На большем из них восседал ее отец со скипетром в правой руке. Его королева – Аделиза – расположилась рядом, облаченная в платье из мерцающего серебристого шелка, на котором сверкали жемчужины и аметисты. Матильда приблизилась к помосту и присела в реверанс с опущенной головой. Роберт тоже преклонил колено, но на шаг позади нее.

Она услышала, как зашелестела мантия, – значит отец поднялся. Потом послышались неспешные шаги.

– Возлюбленная дочь моя. – Король наклонился, взял ее за руки и, поцеловав в обе щеки, поднял на ноги. – Добро пожаловать домой.

Матильда вглядывалась в его лицо. Шесть лет, прошедшие с их последнего свидания, добавили Генриху морщин. Волосы поредели, и в них стало больше седины. Набрякли мешки под глазами, но серые глаза, как и прежде, смотрят твердо и пронизательно.

– Здравствуйте, отец, – сказала она, после чего присела в реверанс перед мачехой. Та, на год младше Матильды, нежная и тонкая, как голубка, обняла ее.

– Дочь моя, я несказанно рада вашему приезду, – произнесла Аделиза.

– Госпожа мать. – Матильда с трудом выговорила эти несообразные слова.

На губах мачехи промелькнула тень улыбки, и стало ясно, что она думает так же.

– Я надеюсь быть вам хорошей матерью, – ответила королева, – но еще больше я хотела бы стать вам подругой и наперсницей.

Отец взял дочь под руку и обошел с ней придворных, чтобы представить великим мужам, состоящим на службе у короля. Не все из его приближенных прибыли на церемонию – у кого-то были дела в других местах, кто-то не смог покинуть Англию. Тем не менее это было внушительное собрание. Биго, Д’Обиньи, Омаль, де Тосни, Мартел, архиепископ Руана, аббат Ле-Бека, кузены Матильды из Блуа – Тибо и Стефан, получивший от молодой жены графини Маго титул графа Булонского.

– Сочувствую вашему горю, кузина, – произнес Стефан. – Примите мои искренние соболезнования.

Он говорил серьезно и, казалось, от всего сердца. Но Матильда знала, что зачастую видимость отличается от истинного положения дел, и потому держалась настороженно. Наверняка фраза Стефана не более чем светская любезность.

– Я помню вас маленькой девочкой с длинными косичками, – добавил он, улыбаясь.

Всплыло далекое воспоминание.

– А вы дергали меня за них! – упрекнула Матильда двоюродного брата.

Он сделал вид, будто уязвлен в лучших чувствах.

– Только в шутку. Я вас никогда не обижал. Ваш брат Вильгельм тоже дергал вас за косы.

При упоминании брата Матильды на мгновение повисла тишина, как будто слова Стефана подняли со дна бухты Барфлёр истерзанный стихией труп юноши.

– Да упокойт Господь его душу, – быстро добавил Стефан. – Я с нежностью храню воспоминания о наших играх и часто обращаюсь к ним.

Матильда догадывалась, что кузен и сейчас не прочь дернуть ее за косу, будь у него такая возможность, и снова назвал бы это шуткой.

– Племянник, вы моя отрада и утешение, – вмешался Генрих. Его серые глаза ничего не упускали. – Знаю, что всегда могу рассчитывать на вашу поддержку; надеюсь, и моя дочь может положиться на вас.

– Безусловно, сир. – Стефан поклонился – сначала Генриху, потом Матильде.

Мужчины кратко коснулись дел в Булони и успехов Стефана в качестве нового правителя графства. Матильда обратила внимание на близкие отношения между отцом и Стефаном. Жесты молодого родственника были уверенны и свободны, он знал, чем заинтересовать короля, как рассмешить его. Те придворные, что стояли рядом, смеялись тоже, за исключением ее брата Роберта – он был сдержан и сосредоточен. Невысокая, плотная жена Стефана ловила слова мужа, будто драгоценные камни, но при этом все время оглядывалась по сторонам – кто как посмотрел, кто что сказал, – не забывая, впрочем, о подобающей скромности манер.

Бывшая германская императрица сочла поведение Стефана безупречным, но какие из его слов были правдой, а какие – личина, еще нужно будет разобраться.

Матильда обвела взглядом отведенные ей покои. Более тяжелая мебель, предметы убранства и другие вещи, отправленные вперед, уже расставили по местам: ее кровать с покрывалами и занавесями, настенные шпалеры из ее императорской опочивальни, лампы, свечи, ларцы и сундуки. А более легкие вещи она привезла с собой, оставалось лишь распаковать их. А когда все будет сделано, Матильда сможет закрыть дверь и представить хотя бы на минутку, что снова в Германии. Тоска по ушедшему счастью горьким комом подкатила к горлу.

– Надеюсь, здесь есть все, что вам может понадобиться, – обеспокоенно заговорила Аделиза. – Я бы хотела, чтобы вы чувствовали себя как дома.

– Вы очень добры.

– Я помню, как приехала сюда из Лувена: мне все казалось чужим. Утешали только привычные вещи, привезенные с собой.

Голосок Аделизы звенел серебряным колокольчиком. Изящное телосложение и невинный облик делали ее похожей на ребенка, но Матильда догадывалась, что супруга отца – более глубокий человек, чем могло показаться с первого взгляда.

– Вы правы, – сказала Матильда. – Я признательна вам за вашу заботу.

Аделиза в порыве чувства обняла Матильду:

– Как хорошо, что в семье появилась женщина, с которой можно поговорить.

Удивленная падчерица не обняла мачеху в ответ, но и не отстранилась. От Аделизы исходил аромат цветов. Суровая и аскетичная мать Матильды духами не пользовалась, она превыше всего ставила ученость, отличалась набожностью и истово соблюдала все церковные обряды. Ни материнской ласки, ни мягкости молодая вдова не помнила, все отношения были подчинены рассудку. Вот почему она едва не прослезилась в теплом объятии Аделизы.

Дверь распахнулась, и в облаке холодного воздуха в комнату стремительно вошел король. Отмахнувшись от реверансов жены и дочери, он остановился и внимательно осмотрел все вокруг, словно составлял перечень имущества, хотя почти все это он уже видел, пока Аделиза обставляла для Матильды покой.

– Ну как, устроилась, дочь? – Резкий тон его голоса требовал утвердительного ответа. – У тебя есть все, что нужно?

– Да, сир, благодарю вас.

Подойдя к переносному алтарю, который она привезла с собой, Генрих взял в руки золотой крест, стоящий по центру, и со знанием дела изучил драгоценные камни и филигрань. Затем такому же осмотру подвергся золотой подсвечник и образ Богоматери с Младенцем, писанный сусальным золотом и ляпис-лазурью.

– Ты хорошо показала себя сегодня, – наконец бросил он. – Я доволен тобой. – Его внимание привлек длинный кожаный футляр, лежащий на отдельном столике сбоку от алтаря. – Это то, что я думаю? – спросил мужчина с жадностью собирателя.

Прежде чем взять ключик с золотого блюда на алтаре, Матильда присела перед образом Богоматери, а после отперла замок футляра.

– Мы с Генрихом поженились в день святого Иакова, – сказала она, – и потом всегда отмечали этот праздник с особым чувством. Эта святыня принадлежит мне, и я вправе распорядиться ею так, как сочту нужным, а я желаю передать ее в Редингское аббатство во спасение души моего брата и моей матери.

Она открыла ящичек, и взорам предстало левое предплечье с кистью в натуральную величину, отлитое из золота и установленное на отделанный самоцветами постамент. Рука была облачена в узкий рукав с манжетой из драгоценных камней; указательный и средний пальцы подняты в жесте благословения.

Ее отец издал протяжный звук.

– Рука святого Иакова, – произнес он с благоговением. – Ты действительно хорошо себя показала, дочь моя. – Генрих не пытался вынуть руку из футляра и рассмотреть ее – сделать так в светской обстановке означало бы проявить неуважение к реликвии, – но все же прикоснулся к золоту как собственник. – Они тебе сами ее отдали?

Матильда ответила уклончиво:

– Перед смертью мой муж сказал, что эта святыня должна принадлежать мне.

Король пристально взглянул на нее:

– А новый император знает?

– Теперь знает. Вы хотите, чтобы я вернула ее?

Отец быстро мотнул головой:

– Нужно всегда чтить предсмертные желания. Редингское аббатство будет в восторге от этого дара императрицы. И возможно, будущей королевы, – добавил он многозначительно.

Матильда ждала продолжения, однако Генрих с загадочной улыбкой стал прощаться.

– Такие вопросы нужно обсуждать в другой обстановке. Сначала как следует осмотрись, отдохни, а потом поговорим.

Она присела в реверансе; поцеловав ее в лоб, он покинул комнату уверенной, бодрой походкой.

Аделиза тоже присела вслед ему, но осталась с Матильдой – ей хотелось подробнее рассмотреть реликвию святого Иакова.

– Она обладает целительной силой?

– Говорят, что обладает.

Ее мачеха кусала губы в нерешительности.

– Как вы думаете, рука святого излечит бесплодную жену?

– Не знаю...

Матильда обращалась к святому именно с такой просьбой, и ее молитвы были услышаны, только младенец умер сразу после рождения. Она еще недостаточно знала Аделизу, чтобы открыться ей в столь деликатном деле.

Аделиза вздохнула:

– Я понимаю, что должна принять волю Господа, но это так трудно, особенно когда мой долг – зачать.

Матильда не могла не проникнуться сочувствием к Аделизе, так как она знала, каково это: месяц за месяцем люди смотрели на нее, молодую жену пожилого мужчины, в нетерпении, когда же она понесет. Положение Аделизы становилось совсем невыносимым оттого, что другие женщины имели от Генриха детей.

– Он думает о том, чтобы сделать вас своей преемницей, вы наверняка и сами догадались.

Матильда кивнула:

– Как догадалась и о том, что я не единственная, о ком он думает. У моего отца всегда был главный план и запасной план, и потом еще один план на случай, если с первым и вторым планами не сложится. – Она испытующе посмотрела на Аделизу. – Я уважаю его и знаю свой долг, но также я знаю, что, несмотря на все его слова любви, я всего лишь еще одна фигура в его игре. Мы все для него не более чем пешки.

– Он великий король, – убежденно заявила Аделиза.

– Безусловно, – согласилась Матильда и подумала, что кто бы ни занял в будущем место ее отца, этому человеку придется стать еще более великим королем, чтобы заполнить пустоту, которую оставит последний сын Вильгельма Завоевателя.

Глава 4

Гавань Барфлёр, Нормандия, сентябрь 1126 года

Наблюдая за тем, как все увеличивается пространство между пристанью Барфлёра и палубой, на которой она стояла, Матильда дрожала и куталась в мантию. Вокруг плясали и бились волны, пенились белыми шапками, а за выходом из гавани мрачной серой массой качалось открытое море. Из-под носа королевской галеры взмывали фонтаны брызг, а ветер так раздувал квадратный парус, что казалось, будто огромный красный лев, нарисованный на полотнище, ревет и шевелит лапами.

Она не всходила на борт судна с тех пор, как была восьмилетней девочкой. Ее мысли неизбежно возвращались к последнему плаванию ее брата: начавшееся в этой гавани, оно оборвалось, как и вся его жизнь. Черной ноябрьской ночью корабль попал в бурю, наткнулся на скалу на выходе в море и затонул. Сейчас стоял день, и обстоятельства были иными, но, как ни поднимала Матильда подбородок, как ни старалась сохранить величественный вид, все равно ей было страшно.

К ней приблизился Бриан Фицконт.

– Мы увидим Англию еще до заката, если ветер не стихнет, – заметил он.

– Должно быть, вы привычны к морским путешествиям.

– Это так, но я всегда рад оказаться на берегу. Однако ныне все неплохо, с таким хорошим попутным ветром. – В его голосе послышалась улыбка. – Тем более сегодня с нами рука святого Иакова.

– Надеюсь, вы так говорите не только потому, что хотите успокоить меня.

– Госпожа, я бы не посмел отойти от истины, – проговорил он, поблескивая темными глазами.

Матильда в ответ только выгнула бровь. Со времени их первой встречи она успела привыкнуть к обществу Фицконта и с удовольствием беседовала с ним. Он состоял в правительстве ее отца и дружил с ее братом Робертом. Часто они сидели в компании других придворных, беседуя до самой ночи на всевозможные темы: от лучшего способа освежевать зайца до тонкостей папской политики и спорных положений английского права, в котором Бриан отлично разбирался. Ей нравилось слушать, как он отстаивает свою точку зрения в спорах.

– Англия станет новым этапом на вашем пути, миледи. – Теперь лицо Бриана было серьезным, а во взгляде светилась такая притягательная сила, что Матильде пришлось опустить глаза, чтобы между ним и ею не проскочила искра.

– И кто знает, где этот путь закончится?

– Уверен, ваш отец знает.

– Жаль только, что он не хочет ни с кем поделиться своим знанием.

Она посмотрела на короля. Генрих стоял на противоположном конце судна с группой приближенных. В Руане Матильда присутствовала при том, как отец вершил суд и плел сеть политики. Он вовлекал ее в управление королевством, сажая рядом с собой, но мнением ее практически никогда не интересовался. В прошлом месяце он, не посоветовавшись с ней, отклонил брачные предложения из Ломбардии и Лотарингии. Она провела при дворе уже почти год, но время застыло, словно паутина, растянутая между двумя ветками в ожидании иной добычи, чем пыль, оседающая на ее нитях. Генрих призвал ее к себе из Германии, а потом – ничего, как будто дочь была ценной вещью, которую лучше приберечь про запас.

– Как только окажемся в Англии, дела завертятся, – пообещал Бриан.

Он пытался успокоить ее, но на Матильду его слова оказали обратный эффект.

– Вы знаете что-то, что не известно мне?

– Нет, госпожа. Только то, что там есть люди, с которыми ваш отец должен посоветоваться по самым разным вопросам. Прежде всего, это ваш дядя король Давид и, конечно же, епископ Солсберийский.

Матильда раздраженно воскликнула:

– Снова разговоры между мужчинами! Я дочь короля, и бароны отца принесли мне клятву верности, но все равно ведут себя так, словно у меня в этом мире нет ни места, ни голоса.

– Будет. Однажды будет, – тихо ответил Бриан. – А сейчас время собирать силы и подготавливать почву.

Оба обернулись, слышав звуки рвоты, и увидели, что через борт судна перегнулся благородного происхождения юноша с позеленевшим лицом. Бриан хмыкнул.

– Не думаю, что ему так уж плохо, – пробормотал он. – Если только от досады.

Матильда задумчиво смотрела на Галерана де Мелана. Он был зачинщиком неудавшегося мятежа в поддержку ее кузена Вильгельма Клитона и последние два года провел в тюрьме в Нормандии. На корабле кандалы с него сняли, так как сбежать отсюда он все равно не мог. Ее отец счел неразумным оставлять бунтовщика вдали от себя и решил перевезти его в Англию, где ему предстояло продолжить заключение под присмотром королевского юстициара – епископа Солсберийского. Галеран был сыном одного из наиболее преданных слуг Генриха; его брат-близнец Роберт не принимал участия в восстании. Матильда прекрасно знала, что в их случае «подготовка почвы» состоит в том, чтобы решить, как поступать с подобными людьми из влиятельных семей, которые считают законным правителем Нормандии и Англии не ее отца, а Клитона. Галеран де Мелан сейчас выглядел жалким и бессильным, однако он все еще опасен.

Оставив Бриана, Матильда пошла к Аделизе. Ее молодая мачеха сидела спиной к борту, укутанная теплыми шкурами и обложенная подушками, набитыми овечьей шерстью. На фоне темного меха белки и соболя ее лицо с закушенными губами казалось бледным овалом. Матильда подумала, не боится ли та плыть, но, с другой стороны, супруге короля Англии и Нормандии часто приходится пересекать пролив, и излишней пугливостью она не отличалась. Возможно, она, подобно Галерану де Мелану, страдала от качки. На палубе было несколько людей, маявшихся морской болезнью, хотя ни один из них не издавал столько шума, как лорд де Мелан. Подойдя ближе, она поняла, что ее мачеха плачет.

– Что с вами, моя госпожа? – Матильда оглянулась, чтобы позвать на помощь, но Аделиза схватила ее за руку.

– Не надо, не надо, – проговорила она.

Падчерица села рядом с ней и тоже прикрыла свою мантию меховым пологом.

– Что случилось?

Аделиза сглотнула и вытерла краем рукава слезы.

– У меня начались регулы, – едва слышно призналась она. – Я думала... думала, что на этот раз семя удержалось. Миновало целых сорок дней с тех пор, как в последний раз шла кровь... Но они опять пришли. Они всегда приходят. – Аделиза, поникнув, качалась из стороны в сторону. – Почему у меня не получается исполнить свой долг? В чем моя вина, за которую Бог отказывает мне в этом?

Матильда обняла Аделизу за плечи:

– Сочувствую вам. Я так же горевала, пока была замужем за Генрихом.

– Я была бы хорошей матерью, – прошептала Аделиза. – Я знаю, во мне это есть. Если бы только мне выпало это счастье. Хотя бы раз. Неужели я слишком многого прошу?

Она умолкла, заметив, что через палубу к ним пробирается Вильгельм Д'Обиньи. Несмотря на непрекращающуюся качку, он, казалось, без труда удерживает равновесие. Склонившись, он протянул женщинам флягу.

– Госпожа, это вино с медом и имбирем, – обратился он к королеве. – Это хорошее средство от дурноты. Моя тетя Оливия только им и пользуется. А волны сегодня нешуточные.

Матильда с подозрением на него посмотрела, однако, судя по открытому выражению его лица, он искренне считает, будто правительница страдает от *mal de mer*. Она поблагодарила его от имени королевы, но таким тоном, чтобы у Д'Обиньи не возникло желания задерживаться рядом с ними. Он уловил намек, вспыхнул румянцем и с поклоном удалился.

Аделиза всхлипнула и вскинула подбородок:

– Хватит жалеть себя! Коли у Господа иные планы, я должна довериться Провидению. В свое время Он даст знать, чего ждет от меня. – Вынув из фляги затычку, она сделала плоток и передала вино падчерице.

– Да, наверное, так и будет, – согласилась Матильда, а про себя подумала, что порой пути Господни настолько загадочны, а она не смогла бы исполнять высшую волю с таким же терпением, как делает это супруга Генриха.

Установленная на почетном месте перед высоким алтарем Редингского аббатства, рука святого Иакова золочеными перстами указывала на небеса. Аббатство Девы Марии и блаженного Иоанна Евангелиста было освящено всего шесть лет назад и еще не достроено. Генрих хотел, чтобы оно стало самым грандиозным монастырем во всем христианском мире, и уже избрал его местом собственного погребения, когда придет время. Пока же в монастыре возвели мавзолей в память о его сыне, который утонул на «Белом корабле» и чьи останки покоились на дне моря. Монахи из великого аббатства Ключни справляли службы, читали молитвы и заботились о реликвиях, в числе которых были кровь и вода из бока Христа, фрагмент его обуви и его крайняя плоть, оставшаяся после обрезания, а также прядь волос Девы Марии. Впечатляющее собрание предметов, принадлежащих святому семейству, придавало аббатству значимость и святость и – что немаловажно – обеспечивало место на небесах его основателю и покровителю.

Теперь, когда руку святого Иакова вручили в целости и сохранности служителям аббатства, Генрих остановился отдохнуть на постоялом дворе. Кроме жены и дочери, с ним были несколько самых близких советников и родственников – дядя Матильды, король Шотландии Давид, Роберт Глостерский и Бриан Фицконт.

Перед тем как войти в дом, Матильда набрала полные легкие свежего осеннего воздуха и потом выдохнула – и воздух, и нервное напряжение. На мессе, когда реликвию из Германии передавали аббатству, она едва не расплакалась – так близки и в то же время так далеки были воспоминания о дне ее бракосочетания с германским императором. Ах, если бы только она могла вернуть те дни и прожить их снова, но уже как зрелая женщина, а не как принужденное к повиновению дитя!

Слуги ее отца расставили кресла и скамьи вокруг очага, разложили закуски так, чтобы они были под рукой. Когда прислужник снимал с Матильды плащ, король Давид глянул на нее со свойственной ему лаконичной улыбкой.

– Племянница, вы правильно поступили, привезя столь ценный дар аббатству. Ваша мать гордилась бы вами. – Он говорил на принятом при дворе нормандско-французском языке, но с мягким шотландским акцентом.

– Она увидела бы в этом лишь мой долг, – сухо ответила Матильда.

– Который вы исполнили, – одобительно кивнул дядя. В его глазах затем мелькнула искорка юмора. – Вы дочь своей матери, но не только, и вы умеете улыбаться. – Он потрепал ее под подбородком – грубовато, но добродушно. – Надеюсь, вы еще и моя племянница.

Матильда постаралась не разочаровать дядю и выдавила улыбку. Вообще-то, она очень любила его. Он играл с ней, когда она была ребенком, и присылал ей в Германию письма и подарки, которые подбадривали и утешали юную императрицу гораздо больше, чем сухие наставления и религиозные труды на латыни от ее матери. Дядя дарил Матильде кукол, и сладости, и даже ожерелье из шотландских гранатов, до сих пор хранимое ею в шкатулке с украшениями.

– Ну вот и хорошо. – Он поцеловал Матильду в щеку и усадил у огня.

Как только все устроились, ее отец потребовал тишины.

– Теперь, когда мы все в сборе, я хочу поговорить о будущем. – Он остановил свой взгляд на каждом из слушателей. – Я достаточно долго питал надежды, что Господь ниспослет нам с королевой наследника мужского пола, но до сей поры Он не дал нам этого благословения.

Аделиза, опустив голову, вертела на пальце обручальное кольцо.

– Раз дело обстоит подобным образом, настала пора озаботиться вопросом преемства, тем более что выбор мой прост. Не имея законного наследника мужского пола, я должен думать либо о моих блуаских племянниках, либо о дочери и возможном плоде ее чрева.

Матильда выпрямилась и ответила на его взгляд своим, не менее твердым взглядом.

Роберт заметил:

– Есть люди, сир, которые добавили бы к списку кандидатов Вильгельма Клитона.

– Нет. – Монарх отмел это предположение коротким резким жестом. – У Клитона нет ни ума, ни опыта, чтобы править Англией и Нормандией.

– Зато опыт есть у его сторонников, – разумно вставил Давид Шотландский. – Король Франции поддерживает его, чтобы осложнить вам жизнь, и что насчет того плененного юноши, которого вы привезли с собой?

– Галеран де Мелан – безрассудный и безмозглый юнец, – отчеканил Генрих.

– С очень влиятельной и богатой родней.

– Это так, но пленение Галерана показало всем его родственникам, как долго они могут испытывать мое терпение без последствий для себя. Мой выбор ясен. – Он вытянул вперед мощную руку. – Вот дочь моя, вдова императора. По рождению и браку она имеет большие связи. Она плод моих чресл, в ней течет кровь древнего английского королевского дома. Более того, только у нее оба родителя были коронованными сюзеренами на момент ее зачатия. И она обладает опытом правления в роли супруги императора.

Сердце Матильды сжалось от переполнявших ее гордости и волнения. Она изо всех сил старалась выглядеть так, как описывал ее отец, – величавой и достойной трона.

Роберт осторожно возразил:

– Сир, редкий мужчина подчинится женщине, какой бы знающей она ни была и какая бы благородная кровь ни текла в ее венах. И я утверждаю это как человек, который счастлив будет присягнуть сестре в верности. – Он огляделся, принимая кивки одобрения от остальных.

– А я говорю, что все мужчины подчинятся моему решению, так или иначе. – Пальцы Генриха сжались в кулак. – Я не дурак. И знаю, что, когда король мертв, его слово перестает быть законом. Значит, я должен устроить все самым надежным образом, пока нахожусь в добром здравии. Если у меня нет сыновей от моей королевы, я буду ждать внуков, рожденных мне дочерью.

Матильда поймала тяжелый взгляд отцовских серых глаз:

– И какой же мужчина произведет для вас этих внуков, отец? Вы не назвали его.

– Не назвал, потому что еще обдумываю, кто это будет. Для нас первостепенно только, чтобы он был хорошего рода и мог дать тебе сыновей. Королем ему никогда не быть, его интерес сведется к тому, что его сын будет увенчан короной Англии. А ты, дочь моя, станешь

сосудом, который принесет это царственное дитя в мир. Ты будешь реальным правителем до тех пор, пока он не повзрослеет достаточно, чтобы взять власть в свои руки. В этом тебе помогут твои родственники и мои верные вассалы. Твое влияние как матери будущего сюзерена будет огромно, и все эти люди поддержат тебя. – Он обвел широким жестом освещенный огнем круг людей. Казалось, в воздухе потрескивают искры напряжения. – Если Бог милостив, он подарит мне достаточно лет, чтобы я увидел, как мой внук становится мужчиной.

И чтобы продолжать властвовать, добавила про себя Матильда, зная, что та же мысль мелькнула и в умах остальных. Если отец проживет так долго, то им, может, и не придется иметь дело с неслыханным доселе казусом – женщиной на троне. Прижав к груди тонкую руку, она сказала:

– Я готова исполнить свой долг, сир, и горда вашим доверием. Но что, если вы покинете нас до того, как я произведу на свет ребенка? И что, если я не смогу понести?

Он мрачно воззрился на нее, как будто обвинял в том, что она намеренно осложняет дело.

– В случае необходимости мы обсудим это позднее. А пока мое решение таково: на троне будет сидеть мой прямой потомок, и все бароны принесут тебе клятву верности как моей наследнице.

Наступило долгое, напряженное молчание, которое наконец нарушил Бриан Фицконт. Он встал, обошел очаг и опустился перед Матильдой на одно колено.

– Клянусь в этом всей душой и без принуждения, – произнес он и склонил голову.

Его поступок взволновал молодую женщину до глубины души; ей оставалось только надеяться, что ее смятение не отразилось на лице. Сжав его ладони, Матильда одарила Бриана «поцелуем мира» в обе щеки. Губы ее коснулись шероховатой щетины, она почувствовала исходящий от его одежды аромат кедровой древесины – и у нее захватило дух.

– Благородный поступок, – похвалил того Генрих тоном родителя, терпеливо наблюдающего за проделками дитяти, – но я уже уверен в преданности тех, кто здесь собрался. Но в будущем вы все присягнете Матильде публично. Полагаю, провести церемонию клятвopиношения лучше в Рождество, когда ко двору съедутся все бароны и станут как свидетелями, так и участниками.

Роберт задумчиво потер щеку.

– А как же Стефан и Тибо Блуаские? – Его губы скривились при упоминании кузенов. – Стефан ведет себя так, словно уверен, что вы готовите его к более высокой роли, чем правитель Булони.

– Я не поощрял в нем таких мыслей, – заявил Генрих. – Конечно, я люблю его; он мой племянник, и на своем месте он хорош. Но могуществом Стефан обязан мне, и он будет слушаться и претворять в жизнь мою политику.

Роберт посмотрел на отца долгим взглядом:

– Вы обсудите эту присягу с другими баронами?

Генрих выбил пальцами короткую дробь на подлокотнике кресла.

– Я не вижу в том необходимости.

– Но перед клятвой люди захотят знать, за кого будет отдана ваша дочь.

– Они все узнают, когда придет время! – рявкнул Генрих, теряя терпение.

– Сегодня с нами нет епископа Солсберийского, – сказала Матильда.

– Это дело его не касается. – Лицо короля приобрело багровый оттенок, и Аделиза погладила супруга по руке, призывая успокоиться.

– Но вы доверили ему управление Англией в ваше отсутствие. Это ли не свидетельство того, что вы считаете его самым верным своим советчиком? – не унималась бывшая германская императрица. – Как скажется в будущем его нынешнее отсутствие?

Все смотрели на Матильду с таким удивлением, будто у них на глазах ручной ястреб вознамерился разорвать клювом своего хозяина. Она сжала губы и расправила плечи.

Генрих шумно дышал, с трудом сдерживаясь.

– Епископ Солсберийский – государственный муж, чьи таланты я высоко ценю, – выдавил король осипшим от гнева голосом. – Ему все будет сказано, когда я сочту нужным.

Дочь упрямо стояла на своем:

– В прошлом он сочувствовал Клитону. Не лучше ли доверить надзор за лордом де Меланом кому-нибудь другому – милорду Фицконту, например, тем более что он сегодня здесь и принес клятву верности.

Глаза Генриха сузились. Бриан, откашлявшись, произнес:

– Это правда, сир, Уоллингфорд – надежная крепость. Я вырос с Галераном и хорошо знаю его. А может, посиди мы с ним за флягой вина, я сумел бы переубедить его.

– Сир, поддерживаю эту идею. – Роберт желал как можно скорее привести дело к миру. – Я не хочу сказать, будто жду от епископа Солсберийского предосудительных поступков, и мне известно, сколь сильна ваша вера в него, но Уоллингфорд действительно лучше укреплен, чем замок епископа в Дивайзисе.

Генрих все еще находился во власти раздражения.

– Бриан, ты можешь сколько угодно убеждать Галерана и иже с ним, но никто не поручится за то, что они изменятся. Своего юстициара я знаю и доверяю ему, хотя я не слепой. Мне известно о его привязанности к Мелану. Вполне возможно, что моим преемником он охотнее увидел бы Клитона. – Он решительно стукнул кулаком по столу. – Ладно, давайте придерживаться более безопасного курса. Я отдам приказ, чтобы Мелана перевели в Уоллингфорд, но рассчитываю, что вы все будете оказывать епископу Солсберийскому полное содействие, это понятно?

Вечерние дела закончены, Генрих позволил всем разойтись. Матильда вошла в комнату, отведенную им с Аделизой, и сосредоточилась на дыхании, чтобы успокоиться. Супруга короля тихо последовала за ней и дала указания прислуге снять с кровати покрывала, нагреть простыни горячими камнями, обернутыми в ткань, принести поднос с вином и медовым печеньем.

– Женщины считаются существами низшего порядка, – с горькой усмешкой сказала Матильда, – но это неправда. Ведь иначе мы не смогли бы справляться с обязанностями и бременем, которые возлагают на нас мужчины.

Аделиза подняла на нее кроткие глаза:

– По-моему, вы очень смелая. Я бы так не смогла.

– Смогли бы, если бы потребовалось, – с жаром ответила Матильда, глядя в упор на молодую мачеху.

Аделиза повела рукой:

– Но это не мое. А в вашей душе я вижу огонь.

– Я веду себя так, потому что этого хочет отец.

– Да, но и в силу собственных желаний, так мне кажется.

Матильда направилась к сундуку, где хранились ее драгоценности и притирания, и достала богато украшенный горшочек с кремом из розовых лепестков. Она сняла крышку и вдохнула тонкий цветочный аромат. Да, она хотела бы властвовать от своего имени, но это несказанно трудно. Пока любой намек на целеустремленность в женщине воспринимают как мужскую черту и, следовательно, считают такую женщину мужеподобной, попирающей законы природы.

– Разве я не права насчет епископа Солсберийского?

Аделиза села на свою кровать.

– Епископ уже давно является ближайшим советчиком вашего отца, – дипломатично ответила она. – Он знает, как превратить солому в золото.

– И какую часть этого золота он оставляет себе? Сколько он забирает на содержание своих любовниц и детей, дворцов и крепостей? Сколько уходит на изысканные блюда?

– Боюсь, точные цифры известны только Роджеру Солсберийскому, и к тому же они постоянно меняются. Но поскольку епископ до краев наполняет казну вашего отца, ему дозволены кое-какие вольности. И не стоит враждовать с ним, – предупредила Аделиза. – Он обладает властью как сделать вам великое добро, так и причинить великие беды.

– Епископы существуют, чтобы служить Господу и королю, а не своим интересам, – возразила Матильда, – но за совет спасибо.

Подцепив кончиком пальца крем, она втерла его в руки. Если в конце концов ей выпадет править Англией, то ей нужна будет поддержка и доброе отношение Церкви, а прелатов вроде Роджера Солсберийского придется либо убедить перейти на ее сторону, либо поставить на место.

Утром двор готов был выехать из Рединга в Виндзор. Поджидая, пока конюх выведет ее лошадь, Матильда рассматривала через двор епископа Солсберийского. Он стоял в кольце свиты, погруженный в беседу с ее кузеном Стефаном. Епископ Роджер был невысок, но коренаст, а его усыпанные драгоценностями одежды еще более увеличивали его объемы и внушительность. Навершие пасторского посоха сияло голубой эмалью лиможских мастеров, а ряса так искрилась от серебряных нитей, что Роджер уподоблялся покрытой инеем елке. Белый иноходец епископа красовался в блестящей упряжи, отороченный мехом чепрак доходил почти до земли. Женщина обменялась с епископом приветствиями, когда только вышла во двор, но обе стороны, соблюдая вежливость, были немногословны и холодны. Зато с ее кузеном Стефаном добрый епископ куда более разговорчив, отметила она про себя.

Конюх Бриана Фицконта вывел во двор Соболя, и почти сразу же появился сам Бриан, взял коня под уздцы и коротким приказом отпустил слугу. Его взгляд на мгновение задержался на епископе и Стефане, но потом Бриан быстрыми шагами подошел к Матильде и поклонился.

– Миледи, спешу сообщить, что ваш отец передал Галерана де Мелана под мой надзор. Его будут держать в Уоллингфорде, как и предлагалось вчера.

Джон Фиц-Гилберт, один из королевских маршалов, привел ее кобылу. Бриан взял у него лошадь и помог Матильде подняться в седло, после чего сам сел на Соболя.

Собирая поводья в руку, она сказала:

– Я слышала, будто мой отец возвысил епископа Солсберийского, потому что тот умел прочесть мессу быстрее всех остальных священников, а это полезное умение, когда исповедуют воинов перед битвой.

Бриан язвительно улыбнулся:

– Роджер Солсберийский и правда умеет быстро делать дела, но это не единственный его талант. Он очень умный распорядитель. Кто-то скажет, что он слишком умный и это доведет его до беды, но только время покажет, кто прав.

– Королева считает, будто он умеет превращать солому в золото. И я склонна верить этому, видя, сколько золота он носит на своих плечах.

– Роджер Солсберийский не единственный прелат, равнодушный к роскоши. На вашего кузена аббата Гластонбери тоже стоит посмотреть.

Матильда проследила за взглядом его темных глаз и увидела еще одного бородатого священнослужителя, который вставлял ногу в стремя великолепного жеребца в яблоках. Богатую упряжь из черной кожи усеивали серебряные солнечные диски. Брата Стефана, кузена Матильды Генриха недавно призвали из аббатства в Ключи, чтобы занять пост в Гла-

стонбери, однако его устремления на этом не заканчивались: он мечтал о епископстве или кое о чем повыше. Матильда полагала, что Генрих подумывает о Кентербери.

— Да, — согласилась она с Фицконтом, — я тоже обратила на это внимание.

Глава 5

Крепость Уоллингфорд, Оксфордшир, октябрь 1126 года

Воды Темзы дрожали под холодным осенним дождем, а колеи наполнялись грязной водой, когда Бриан добрался до своей мощной крепости Уоллингфорд. Недавно пристроенная сторожевая башня стояла на высоком холме, утверждая могущество своего лорда, и ей вторили рвы, частоколы и стены, глянцевые от дождевой воды. Бриан отметил, что архитекторы и строители много успели сделать за лето, пока он находился при дворе. Говорили, что Уоллингфорд неуязвим, и Бриан почти готов был этому поверить.

Он отдал Соболя конюхам. Из дверей навстречу Бриану вышла его жена.

– Милорд. – Она присела в небрежном реверансе.

– Миледи.

Он заставил себя улыбнуться. На жене было повседневное платье с завернутыми рукавами; из-под засаленного вимпла выбивались седые космы; ее объемную грудь украшали волоски собачьей шерсти. Вокруг ее ног вертелась свора разномастных псов, так что любой, кто пытался сделать хоть шаг, рисковал споткнуться.

Бриан стиснул зубы. Ее загодя предупредили о его приезде, но по опыту он знал, что Мод никогда не интересовалась своим внешним видом и ей просто в голову не пришло переодеться. Однако, войдя в жилые помещения, Бриан увидел, что на покрытом тканью столе его ждет кувшин с вином, свежий хлеб и хороший сыр. Для умывания приготовлен большой сосуд с теплой водой, а рядом положено чистое одеяние на смену его дорожному наряду. Мод неплохо управляет хозяйством, но, когда дело касается ее самой, она не видит нужды обременять себя ничем сверх соображений практичности.

– Удивлена вашим приездом, – сказала она, когда Бриан наклонился, чтобы вымыть руки и лицо. Ее интонации были нейтральными. – Вы ведь навряд ли надолго задержитесь.

– Да, я всего на несколько дней, – ответил он, вытираясь. – Мне нужно вернуться ко двору в конце недели.

Его взгляд переместился вниз. Одна из собак схватила за ремешок его сапог и принялась яростно трепать его. Бриан нагнулся и подхватил животное под брюхо. Пес оскалился, залаял, пытаясь вырваться на свободу. Бриан с трудом разглядел под шелковистой белой шерстью глаза.

– Он совсем щенок, – засюсюкала Мод, – и пока не выучил хорошие манеры, а, Плут?

– Плут?

Мод всегда называла этим именем самую любимую собаку в своре. Если этот щенок был нынешним Плутом, значит предыдущий любимец сдох.

– Его прадеда не стало весной, когда вы были в Нормандии. – Она не упрекала мужа за долгое отсутствие, однако нотки стоического недовольства не ускользнули от Бриана.

– Жаль.

Она шевельнула плечами:

– Да он уже ничего не слышал и давно был слеп. Смерть принесла ему облегчение. – Мод забрала у мужа щенка и прижала к груди.

– А в остальном все в порядке?

– Да, ничего такого, с чем не справились бы я, ваш коннетабль или дворецкие. Я бы написала вам, случись что-нибудь серьезное.

Бриан кивнул. Они обмениваются фразами подобно вежливым незнакомцам. С Мод они женаты девятнадцать лет, но не имеют между собой ничего общего, даже общих детей, забота о которых могла бы сблизить их, а вероятность того, что дети еще появятся, сводится

к нулю – жена почти на двадцать лет старше его и, пожалуй, вышла из детородного возраста. Тем не менее каждый раз, когда Бриан возвращался домой, она делает попытки зачать ребенка – так же деловито, как разводит собак, быков и прочую скотину. Но ее жизнь протекает в Уоллингфорде, а его – при королевском дворе, и их пути редко пересекаются.

– Я хотела бы обсудить с вами ту церковь в Огборне, – сказала Мод. – Пожалуй, я бы хотела отдать ее монахам аббатства Ле-Бек. – Она опустила извивающуюся собачонку на пол.

– По-моему, это хорошая идея, – согласился Бриан. Он снимал плотную дорожную котту, собираясь поменять на более тонкую. – Императрица будет довольна: Ле-Бек – ее любимый монастырь. – Когда он говорил о Матильде, по его телу разливалось тепло.

Мод склонила набок голову и сложила под грудью руки:

– Какая она?

– Дочь своего отца, – ответил Бриан. – Глупцов терпеть не может. Держится величаво. Настоящая правительница.

Рассказывать Мод о живости Матильды, о ее остром уме и красоте было бесполезно. Да и вообще, Бриан хотел оставить подобные описания при себе – хранить их в тайне, как сокровище.

– Король объявит ее своей наследницей? – Не давая ему времени ответить, Мод продолжила: – Наверняка он так и собирается сделать. У него достаточно дочерей, рожденных от любовниц, чтобы браками детей привязать к себе нужных мужчин. Матильда нужна ему для более важного дела, а иначе зачем призывать ее из Германии?

Бриан кивнул. Его жене не откажешь в проницательности. Может, в придворной жизни она не участвует, но невежественной назвать ее нельзя.

– Это один из вариантов, – заметил он. – Но король держит открытыми много дверей.

– Он ждет, что она родит сыновей... – Голос Мод окреп на последних словах, и на лице ее появилось упрямое выражение.

Пока жена не успела пуститься в долгие и нудные рассуждения о родословных, Бриан сказал, что ему нужно заняться делами. Коннетабль Уильям Ботерел рассказал ему о прогрессе в строительных работах. Фицконт лично проверил качество дубовых бревен, которые привезли для укрепления дверей замка, и заглянул в кладовые. Он обсудил с дворецким, какие запасы нужно будет пополнить, а также продумал, как обустроить темницу для содержания Галерана де Мелана – тот прибывал в крепость в качестве тщательно охраняемого «гостя». Потом Бриан навестил гарнизон, поговорил с солдатам и наконец удалился в свои покои, чтобы до ужина успеть просмотреть накопившиеся счета и хартии. Ни разу за все это время о жене он не вспомнил.

Когда они встретились в большом зале за накрытым к ужину столом, Мод была уже в более чистом платье из простой шерстяной ткани и в новом льняном вимпле в английском стиле, в котором ее лицо казалось еще более широким и круглым. Судя по блестящим щекам, лбу и подбородку, жена как следует отмыла их в честь приезда мужа. С аппетитом поглощая жареную косулю со сладкой пшеничной кашей и разнообразными грибами, Мод рассказывала Бриану о подробностях ее повседневного житья. Он жевал, почти не слушая ее и пытаясь найти в их семейной жизни хоть что-то хорошее, помимо зубодробительной скуки.

Мод – замечательная женщина, и без брака с ней у Бриана не было бы всего этого богатства. Она умело ведет хозяйство и обеспечивает ему отдохновение от изматывающей стремительности придворной жизни. Здесь жизнь течет предсказуемо и приземленно, ему не приходится ловить и взвешивать каждое слово.

Бриан рассказал жене о Галеране и о том, что мятежника будут держать в Уоллингфорде до тех пор, пока король не сочтет, что его можно освободить без риска для короны.

– Я велел Уильяму заказать крепкую дверь с засовами и замками. Галеран будет находиться под строгим надзором вплоть до дальнейших указаний короля.

Она смотрела на него удивленно, но без малейшего смятения.

– Какая глупость! – фыркнула Мод. – И почему мужчины сражаются из-за всяких пустяков? Когда перестают нестись куры или среди овец начинается падеж – вот беды, стоящие внимания. А кто будет сидеть на троне – без разницы. Я помню Галерана де Мелана с тех пор, когда он был безмозглым мальчишкой, у которого и борода-то еще толком не росла.

– И вырос из него безмозглый мужчина, – сказал Бриан. – Не совался бы он к мятежникам – не сидел бы сейчас под замком.

Мод укоризненно покачала головой и бросила под стол кусок мяса – Плуту.

Темнота за окном сгущалась. Мод потянулась к Бриану и положила загрубевшую, трудовую ладонь на его рукав.

– Муж мой, собираетесь ли вы в постель? – Она не манила, не звала, просто негромко спросила, потому что вопрос интимный, не для ушей прислуги.

– Да, скоро, – ответил Бриан с упавшим сердцем. – Сначала дочитаю документы.

– Хорошо, тогда буду ждать вас. А пока выведу собак погулять. – Она удалилась, призывая к ноге свою четвероногую свиту и крикнув слуге на ходу, чтобы ей принесли накидку.

Бриан опять ушел в свои покои. Сев в кресло, он потер виски, где зарождалась тупая боль. День был длинным. Наконец взял перо, расправил под рукой лист пергамента и составил послание сначала аббату монастыря Ле-Бек, потом епископу Батскому. Движение пера по пергаменту и плавное течение мыслей успокоили его. Иногда Бриан гадал, как сложилась бы жизнь, если бы отец отдал его Церкви, а не королю для воспитания при дворе. Не слишком ли трудными оказались бы для него религиозные обеты?

Может быть... Хотя, с другой стороны, многие священники ни в грош не ставят эти обеты и живут в роскоши со своими любовницами и потомством. Достаточно вспомнить Роджера Солсберийского с его замком в Дивайзисе и дворцом в Солсбери.

Закончив работу, Бриан подошел к окну и раскрыл ставни. Со двора донесся энергичный низкий голос Мод, весело покрикивающей на собак. Из нее получилась бы отличная мать для оравы сыновей, виновато подумал он. Мод неприятна ему, однако Бриан отдавал себе отчет в том, что не он стал бы ее избранником, если бы решение зависело от нее. Он нравился ей ничуть не больше, чем она ему.

Все еще румяная и разгоряченная быстрой ходьбой, Мод выжидательно посмотрела на мужа. Слуги уже приготовили широкую кровать и были отпущены; с ними выпроводили и собак.

– Если мы не обзаведемся наследником сейчас, потом будет слишком поздно, – сказала она. – Мои регулы приходят все реже, а вы через несколько дней возвращаетесь ко двору. – Она выдвинула вперед мясистый подбородок. – Я вправе требовать от вас выполнения супружеского долга. Знаю, вы не испытываете ко мне желания, но речь идет не о наших желаниях, а о продолжении рода.

Бриан прикусил губу. Не будь положение столь тягостным, он бы засмеялся. Однако дело нешуточное: не выполнив этот долг, он нарушит брачные обеты.

Мод сняла вимпл и платье. Он неохотно последовал ее примеру: стянул накидку и котту. Первый шаг сделала она – подошла к мужу вплотную. На ней была простая, но чистая сорочка. Запах поташного мыла смешивался со свежим потом после ее недавней прогулки. Мод потеряла ладони, чтобы согреть их, и без дальнейших проволочек дернула завязки на льняных брэ мужа. Потом она сунула руку внутрь и стала ласкать его. Бриан зажмурился. Он не жеребец в племенном загоне. Никогда в жизни он не был менее расположен к любовным

играм, а потому не реагировал на ее старания, как ни мяла она вялый член. Мод двигала руками все быстрее, все ожесточеннее.

– Дайте мне минутку, – выдавил наконец Бриан и вырвался из ее пальцев. – А сами идите в постель.

Она тяжело вздохнула, но сделала, как он велел, и легла на спину, сразу подтянув сорочку и раздвинув ноги. Бриан поспешно затушил свечу и тоже лег рядом с супругой. В темноте получится, уговаривал он себя, в темноте легче притвориться. Он изгнал из памяти дряблую плоть Мод, запретил себе чують запах поташа и пота, попытался не слышать, как закричала жена, когда он взобрался на нее. А вместо этого представил гибкое стройное тело, благоухающее розами и ладаном, представил глаза цвета лаванды и губы, что сводят его с ума. Наполнив мозг этими образами, он достаточно окреп, чтобы исполнить то, что должен был исполнить: войти в тело жены и дать ей свое семя. Когда он оказался внутри, стало проще поверить, что это не Мод, а Матильда и что ими свершается не акт размножения, а акт любви.

Дело было сделано, Бриан слез с жены и сел, тяжело дыша. Теперь он сам себе был противен, но, по крайней мере, он дал ей то, чего она хотела.

– Ну вот, ну вот, – сказала Мод и похлопала его по спине, словно пса или коня, которые хорошо показали себя. – Не так уж и трудно, а?

– Конечно, – согласился он и подумал, что в чем-то они с ней схожи: он испытывает облегчение оттого, что исполнил долг, и Мод довольна тем, что может вычеркнуть сношение из списка дел, которые намечала на время его визита.

Ее рука соскользнула с его спины. Жена повернулась на бок и быстро уснула, судя по негромкому всхрапыванию. Бриан осторожно оделся, не зажигая свечи, и вышел из опочивальни. Когда он открывал дверь, то услышал, как в комнату проскользнули собаки Мод и вскочили на кровать, где были встречены благосклонным сонным бормотанием.

Бриан разбудил оруженосца, велел юнцу зажечь лампу и осветить ему на пути в его покои. У Мод есть псы, а он найдет утешение в письменном слове.

Глава 6

Вестминстерский дворец, Лондон, декабрь 1126 года

Вы и в могиле будете лежать с чернильными пятнами на пальцах, — с веселым изумлением сказал Бриану Роберт Глостерский.

Фицконт глянул на свои руки и виновато улыбнулся, пряча их под плащ.

— Боюсь, вы правы. Эти пятна отмываются, но только я избавлюсь от одного, как на его месте появляются два новых. — Потом он посерьезнел. — Бывают пятна и похуже.

Он осмотрелся. Величественный зал Вестминстера до отказа заполнен придворными в мехах и драгоценностях. С утра прошел снег, набросив тонкую белую пелену на все открытые поверхности. Ходило много разговоров о том, что король хочет заставить всех присягнуть Матильде в верности и признать ее наследницей на трон, и повсюду ощущалось скрытое недовольство, хотя вслух никто не заявлял о намерении отказаться от клятвы. Бриан остановил взгляд на Стефане Блуаском и Булонском. Тот беседовал со своим братом, аббатом Гластонбери, и Роджером, епископом Солсберийским. Глазом математика Бриан легко вычислял логику, которая разбивала собравшихся людей на группы. Их притягивали друг к другу нити взаимных интересов и устремлений. Вот из этих нитей и сплетается власть короля — или ее конец, если король не уследит за ними.

Протрубили фанфары, и королевские маршалы расчистили путь среди преклонившей колени толпы — прибыл король. Быстрым шагом он прошел к среднему из трех тронов, установленных на помосте. На его голове сверкала богато украшенная корона. Рядом с Генрихом села Аделиза, тоже в короне, одетая в платье из серебристой ткани. У Бриана стеснило грудь — он видел только Матильду, которая взошла на третий трон по правую руку от отца. На ней было облегающее платье из кроваво-красной шерсти с золотой вышивкой у горла, по подолу и на манжетах, покрытое сверху донизу цветочным рисунком из крошечных алмазов, а также мантия, подбитая мехом горностая. Голову венчала диадема с золотыми цветами и сапфирами; распущенные волосы темным водопадом струились вдоль спины. Лицо Матильды застыло в ледяном совершенстве — от ее недостижимой красоты захватывало дух.

Роберт едва слышно произнес:

— Мы лицезрим появление будущей королевы.

От этих слов холодок пробежал у Бриана по спине. Заняв предназначенное ей место, Матильда направила царственный взгляд вперед, и он подумал, что она похожа на ожившую и сошедшую с витража фигуру — священную и блистающую.

Затем произносились клятвы поддержать ее как наследницу отца. Первым присягнул архиепископ Кентерберийский, за ним — все епископы страны. Роджер Солсберийский подошел к помосту и опустился на большое колено, для чего ему пришлось всем весом опереться на епископский посох. Тем не менее голос его звучал чисто и ровно. Бриан и Роберт многозначительно переглянулись: Роджер Солсберийский был непревзойденным артистом и политиком. Матильда отвечала ему с таким самообладанием, с таким поистине королевским достоинством, что Бриан опасался, не взорвется ли у него сердце от восхищения. Она станет великим правителем, если только судьба даст ей шанс.

Когда подошел черед Стефана Блуаского, тот стиснул кулаки и замер. Тут же со своего места у отцовских ног встал Роберт и шагнул к сестре, но Стефан быстро справился с собой. В результате они оказались перед троном Матильды одновременно.

— Кузен, если не ошибаюсь, сейчас моя очередь приносить клятву, — заметил Стефан. На его губах играла улыбка, однако во взгляде был только холод.

Роберт приподнял брови:

– А почему вы так решили... кузен?

Продолжая улыбаться, Стефан ответил:

– Разве это не очевидно? Моя мать была дочерью короля.

Бриану стало больно за Роберта. И мать Роберта, и мать Глостера были любовницами, то есть слова Стефана были задуманы как оскорбление. Атмосфера немедленно накалилась, но потом брат Матильды отступил и поклонился:

– Вы верно заметили, милорд, теперь и я понимаю, что вы должны пойти первым, несмотря на то что отцом мне приходится сам король. Всем доставит удовольствие посмотреть, с каким жаром вы присягаете на верность моей сестре-императрице.

Мужчины мерили друг друга вызывающими взглядами, доводя напряжение до предела. Первым отвел глаза Стефан и опустил перед Матильдой на колено. Он вложил соединенные ладони ей в руки и поклялся верно служить ей как наследнице короля. Слова он выговаривал твердо, однако на щеках его ходили желваки и голосу недоставало силы и звучности. Зато голос Роберта звенел, когда он произносил присягу, так что никто не мог усомниться в его преданности.

Когда очередь дошла до Бриана, он опустил перед Матильдой на колено и, как уже сделал это в сентябре, отдал ей всего себя без остатка. В голос он постарался вложить силу и нерушимость своей клятвы, а сердце спрятал – слишком много людей пристально наблюдали за ним в этот момент. Женщина ответила ему взглядом госпожи – ее глаза сияли благосклонностью, но была в них и холодность отстраненности, подчеркнутая тем, что она стояла, а он был коленопреклонен.

Церемония клятвоприношения завершилась великолепным пиром. На столе были осетрина и фаршированный лосось; пряные фрикадельки, украшенные ягодами смородины; лебеди и фазаны; оленина с разнообразными подливками; сласти из меда, розовой воды и имбиря. Разговоры били ключом, словно вода в котле на хорошем огне. Еда и питье постепенно разрядили обстановку, хотя бароны все еще были настороже.

А ближе к завершению празднования в дальнем конце зала вдруг возникла какая-то суматоха. Бриан проследил за тем, как Джон Фиц-Гилберт, один из маршалов, ведет вдоль стены гонца. Значит, доставлено известие, с которым нельзя медлить, подумал Фицконт. Генрих принял послание, сломал печать и начал читать. Тут же лицо и шея его побагровели, и сам он стал мрачнее тучи. Оскалив зубы, он поднял глаза на свое окружение.

– Милорды, свершилось событие, за которое нам, по-видимому, придется произнести тост. – Тяжелый взгляд короля не пропустил ни одного из придворных. – Вильгельм Клитон женился на свояченице короля Франции и получил в приданое земли Вексена у моих границ.

Хотя был упомянут тост, кубка Генрих не поднял и голос его низко гудел от ярости.

– Это все происки Людовика, так он хочет повлиять на мои планы. Прекрасно, пусть делает что хочет, он все равно не помешает моей дочери взойти на английский трон!

Бриан почувствовал, что в зале снова воцарилась напряженная атмосфера.

Эта новость означала, что Вильгельм Клитон стал куда большей угрозой трону, чем был когда-либо. Имея крепости в Вексене, он в любой момент сможет вторгнуться в Нормандию. Многие из тех, кто несколькими часами ранее поклялся в верности Матильде, сделали это только из боязни прогневить Генриха. Они отрекутся, как только Клитону улыбнется удача, на том основании, что если дело дошло до войны в Нормандии, то никто, находясь в здравом уме, не пойдет в бой за женщиной. Сломать это предубеждение будет нелегко.

Глава 7

Вестминстер, март 1127 года

Матильда подняла голову и прислушалась к тому, как колотится ветер в ставни королевских покоев, где они с Аделизой сидели за рукоделием. То и дело припускал дождь, словно кто-то бросал на доски пригоршни гальки. У подножия замка бурлила серая река, взлетали на гребнях приливной волны белые барашки. В такую погоду без нужды из дома не выходят. По календарю весна уже на пороге, но стучаться в дверь она явно не спешит.

Королева придвинулась к жаровне и сказала своей камеристке Юлиане, чтобы та принесла еще свечей.

– Утром у меня опять начались регулы, – сказала она нейтральным тоном, продевая в иголку шелковую нить.

– Ох, как жаль, – отозвалась Матильда.

Аделиза покачала головой:

– Нужно смириться с тем, что мне не суждено иметь ребенка и что у Господа иные планы. Я написала архиепископу Турскому и попросила совета. Он ответил, что я должна сосредоточиться на добрых делах здесь, в земной юдоли, которые принесут духовные плоды. Архиепископ считает, что Господь запечатал мое чрево с тем, чтобы я могла произвести бессмертное наследство, и, думаю, он прав. Глупо лить слезы. Лучше делать то хорошее, что в моих силах. У меня уже есть планы о строительстве нового лепрозория в Уилтоне.

Матильда понимающе кивнула. Такова роль королев. Им положено успокаивать, примирять враждующих, облегчать страдания болящих и поощрять искусства. Все это она и сама делала в Германии для Генриха, пока горевала о том, что не может подарить ему здорового сына.

Надо занять себя чем-нибудь, чтобы не оставалось времени на тоску.

– Еще я попросила Дэвида Голуэя составить историю жизни вашего отца.

– Кого? – переспросила Матильда.

– Одного писца из окружения вашего дяди.

– А-а. – Матильда припомнила невысокого, лысоватого, но все еще молодежавшего человека с пальцами, испачканными чернилами – совсем как у Бриана. Этот Голуэй был популярен в трапезной после ужина, когда наступало время рассказывать истории. – Неплохой выбор. Уверена, он хорошо справится с вашим заданием.

Аделиза закрепила нить узелком.

– Жизнеописание нужно затем, чтобы Генриха помнили всегда, – объяснила она, не скрывая душевной боли. – Я хочу увековечить его свершения в литературном произведении, которое будет жить, когда никого из нас уже не будет.

Женщины оторвали глаза от шитья – в покои Аделизы провели Бриана Фицконта. Приблизившись к женщинам, он поклонился. Вид у него был подавленный.

– Милорд, что случилось? – Королева жестом пригласила его сесть у противоположного окна.

Он повиновался и снял усеянную каплями дождя шапку. Сегодня его сапоги были стянуты синим шнуром – того же цвета, что и полоса по центру, – и у них были изящные вытянутые носы.

– Моя госпожа, простите, что приходится сообщать вам столь печальную весть, – сказал Фицконт. – Граф Фландрии мертв. Убит собственными слугами, пока молился в домашней часовне.

Матильда смотрела на него с ужасом. Аделиза ахнула и перекрестилась:

– Какое злодеяние!

Бриан помрачнел еще больше:

– Людовик Французский сам проследит за тем, кто будет избран на его место, и вероятнее всего, новым графом станет Вильгельм Клитон.

Вторая весть окончательно потрясла Матильду. Карл, правитель Фландрии, был близким сторонником ее отца и пользовался поддержкой своего народа. То, что его убили, – это чудовищно. Да, это злодеяние, как сказала Аделиза; любой, поднявший руку на человека, занятого молитвой, обречен попасть в ад. Но то, что Клитон... Женщина заставила себя думать, а не предаваться эмоциям.

– Что было сделано?

Бриан потер подбородок:

– Ваш отец посылает вашего кузена Стефана, чтобы тот предложил другие имена в качестве кандидатов на титул. Даже если Клитон получит графскую корону, в седле ему не удержаться. Во Фландрии вспыхнули протесты из-за убийства графа, и беспорядки в одно мгновение не утихомирить. Король отдал приказ, чтобы Англия перестала поставлять английскую шерсть фламандским ткачам.

Матильда кивнула. Такой ход подольет масла в огонь, так как безработные ткачи начнут голодать. Затем ее отец обеспечит своих кандидатов финансами из английской казны, и они будут подпитывать мятежи его серебром, ведь Генрих не может допустить, чтобы Клитон укрепился в качестве хозяина Фландрии. Если бы она сама оказалась на месте отца, то приняла бы такое же решение.

Фицконта ждали дела, и он откланялся, а Аделиза с падчерицей перешли из дворцовых покоев в собор, чтобы помолиться за упокой души Карла Фландрского. Они опустились перед алтарем на колени, и Матильду пронзила мысль о том, что того юношу убили тоже во время служения Господу и что ее согбенная шея сейчас так же незащищена перед смертельным ударом.

Бриан сидел в личных покоях короля и теребил шелковистые уши борзой. И Роберт Глостерский был там – стоял у растопленного очага, глядя на мягкие желтые языки пламени. Генрих призвал их, не указав причины, хотя Бриан догадывался, что речь пойдет о молодом графе Фландрии. Союзник короля только что превратился во врага, и требуется срочно перестроить политику.

Генрих вошел в покои с присущей ему живостью – так энергично, что взлетела мантия у него за плечами. Он встал рядом с Робертом перед очагом, протянул ладони к огню и нетерпеливым движением головы пресек почтительные поклоны. Потом он похлопал по загривку собаку и принял от Бриана кубок вина.

– На ваших лицах написано любопытство, причем крупными буквами, словно рукой неопытного писца, – насмешливо заметил он и приложился к кубку.

– Вас это удивляет, господин отец мой? – отозвался Роберт. – Нам кажется, что вы захотели видеть нас не для того, чтобы побеседовать о погоде или охоте.

Генрих крякнул.

– Уж лучше бы о погоде. – Он сел на скамью и вытянул скрещенные в лодыжках ноги. – Скажем так: погода переменялась и охотиться теперь нам надо по-другому. Я хочу поговорить с вами о замужестве моей дочери. Все эти месяцы я наблюдал за Матильдой и премного доволен ею. Не будь она женщиной, то после моей кончины стала бы хорошим правителем.

Хорошо, что от жаркого пламени у Бриана горело лицо. Он знал, это решение должно быть принято, но каждый раз, когда Генрих отвергал очередного претендента на руку дочери, Бриан испытывал облегчение. У него появлялось еще немного времени, чтобы насладиться присутствием Матильды.

– Но вы же заставили нас всех присягнуть ей как вашей наследнице! – в недоумении воскликнул Роберт. – Разве не она будет королевой?

Генрих изогнул мохнатую седую бровь:

– Да, по моему приказу все поклялись служить ей верой и правдой, но многие ли сдержат слово? Я люблю дочь, но не до потери здравого смысла. Все идет к тому, что мы с королевой не будем благословлены наследником. Матильда родила ребенка от первого мужа, так что я знаю: она не бесплодна и сможет зачать от другого супруга. Своими преемниками я намерен сделать внуков. Если я скончаюсь прежде, чем они достигнут зрелости, их мать станет регентом, а опорой ей будете вы. Роберт, я рассчитываю на то, что ты возьмешь на себя роль советника и в случае необходимости защитника сестры и ее детей, а ты, Бриан, будешь служить ей до последней капли крови.

Бриан сглотнул.

– А что насчет будущего мужа сестры? – спросил порозовевший от удовольствия Роберт. – Он не захочет сыграть свою роль?

Генрих отмахнулся:

– Его роль сводится к тому, чтобы обеспечить Матильду детьми и военной мощью. Он не будет иметь право голоса в управлении моими землями. Я решил, что супругом дочери станет Жоффруа, наследник Анжу. – Он положил на колено тяжелый кулак и сузил глаза, переводя взгляд с одного мужчины на другого в ожидании их реакции.

На время Бриан забыл о том, чтобы дышать, потом резко втянул воздух и закашлялся, маскируя оторопь.

– Он же мальчишка, – вытаращился на отца Роберт. – У него молоко на губах не обсохло!

– В этом весь смысл, – ответил Генрих. – На него еще можно влиять, пусть взрослеет с пониманием того, что короны ему не носить.

Бриан справился с кашлем и спросил:

– А ваша дочь? Что она скажет о браке с юнцом, сыном графа, тогда как недавно была императрицей Германии?

– Она сделает так, как я велю ей, – отрезал Генрих. – Я ее отец, она обязана исполнять мою волю. И этот брак не умалит ее достоинства. Отец Жоффруа вскоре взойдет на трон Иерусалима, соединившись узами брака с дочерью короля Болдуина, а на земле нет правителя выше, чем тот, что владеет городом самого Господа. Когда Фульк Анжуйский отправится в свою новую страну, Жоффруа получит титул графа.

– Тем не менее он не станет ровней Матильде или ее первому мужу.

Генрих направил на Бриана мрачный взгляд:

– А что, ты был ровней Мод Уоллингфордской, когда женился на ней?

Бриана покорило грубое напоминание о том, что король поднял его из грязи и что в большой степени его возвышение стало возможным благодаря браку с Мод. Его женили совсем юным. И все-таки тогда он был несколькими годами старше, чем Жоффруа Анжуйский сейчас.

– Моя дочь поймет, что это необходимо, – сказал Генрих. – Такой союз укрепит южные границы и предотвратит переход Анжуйского графства под французское правление; напротив, оно окажется под моим влиянием. Когда Матильда родит сына, он станет наследником Англии, Анжу и Нормандии. Все это ради высшего блага, и положение Жоффруа Анжуйского не имеет значения. Тем более что его отец скоро станет королем святейшего города в христианском мире, о чем я вам уже говорил.

Роберт тербил свои усы. Бриан пытался рассуждать с позиций холодной стратегии. Он видел сильные стороны решения Генриха, самой значимой среди которых был переход

Анжу под крыло Англии. Но как же трудно будет Матильде поступиться гордостью в угоду политике отца!

– Я думал, вы хотели сделать преемником моего кузена Стефана, – произнес Роберт как бы вскользь.

Генрих смерил его взглядом:

– Предусмотрительный человек держит в конюшне нескольких лошадей, но всегда есть одна, на которой он предпочитает скакать. – Его голос смягчился. – Ты – тот сын, которому я передал бы корону Англии, будь обстоятельства иными. Большого я не могу тебе дать.

Роберт залился краской:

– Я не прошу у вас короны, отец.

– Знаю. – Генрих протянул к сыну руку. – Именно поэтому я доверяю тебе больше, чем кому-либо другому. Я не сомневаюсь в том, что ты не предашь сестру и ее детей.

Румянец Роберта потемнел.

– Сторонники Блуа не одобряют этот брак. Отношения между ними и Анжу складываются не лучшим образом. Если им придется выбирать между Францией и Анжу, они вполне могут выбрать Францию.

Ладонь Генриха сжалась в кулак и опустилась.

– У нас будет время, чтобы поработать над всем этим, а сейчас необходимо заложить фундамент. Вот для чего в моем лагере должен быть Анжу.

– Сир, что насчет епископа Солсберийского? – спросил Бриан. – Он принес присягу императрице, но с условием, что с ним посоветуются относительно ее будущего супруга и что ее не выдадут замуж за пределы Англии.

Ледяным тоном Генрих отчеканил:

– Епископ Солсберийский – мой юстициар и главный советчик, но еще он мой подданный и знает свое место. Я сам с ним разберусь.

– Но вы, по крайней мере, соберете совет, чтобы обсудить брак вашей дочери? – уточнил Роберт.

Генрих отрицательно дернул головой:

– Я приглашу совет к обсуждению этой темы, когда сочту, что пора это сделать, и ни днем ранее. Кроме того, я должен дождаться ответа из Анжу, прежде чем начать действовать.

Глава 8

Шинон, Анжу, апрель 1127 года

Жоффруа, сын Фулька, графа Анжуйского, гладил мягкие пестрые перья молодого сапсана, который сидел у него на руке, защищенной перчаткой.

– Сир, вы звали меня? – беззаботно проговорил он.

Голос у него стал меняться еще год назад, и теперь Жоффруа бравировал новообретенным баском. Однако в напряженные моменты его голос мог еще заскрипеть, как треснувший мельничный камень. Сейчас Жоффруа хотелось заниматься птицей, обучать ее охоте, но он знал, что нельзя ослушаться отца.

Тот стоял перед очагом и смотрел на огонь. При появлении сына он обернулся. Его рыжие волосы посеребрились на висках, в бороде тоже блестела седина, тем не менее это был крепкий мужчина в расцвете сил.

– Я получил известие.

Граф Анжуйский указал на соколиный насест возле окна, и Жоффруа пошел туда, чтобы усадить сапсана. Сначала птица забеспокоилась, забила крыльями, и этот звук заполнил паузу, пока отец и сын молчали. Юноша ласково погладил сапсана, утихомиривая его, и в это время сам тоже постарался успокоиться. Он знал, что это за известие. Достав из поясной сумки кусочек оленины, Жоффруа скормил его птице.

– Вы примете предложение короля Болдуина жениться на принцессе Мелисенде?

Его отец сцепил руки за спиной.

– Приму, если смогу оставить Анжу в надежных руках.

Жоффруа перешел к поставцу, чтобы налить себе кубок вина, а потом расправил плечи, выставил вперед ногу, то есть принял позу, как ему казалось, наиболее подобающую мужчине.

Отец смерил его недовольным взглядом:

– Не одежда и не поза делают мальчика мужчиной, а его слова и поступки. Мне нужно знать, что в мое отсутствие ты сможешь править Анжу как взрослый.

Досаду Жоффруа удержала мысль о том, что он получит власть, станет графом. Он еще сильнее выпрямился и вскинул подбородок, на котором пробивалась жидкая рыжая борода.

– Я взрослый мужчина, – гордо заявил он.

– В словах и поступках, сын мой?

– Да, сир. Можете доверять мне.

Мрачное выражение не покинуло лица графа. Он отошел от огня и начал ходить по комнате тяжелыми, решительными шагами.

– Я рад это слышать, потому что у меня есть для тебя задача, помимо управления Анжу.

Он задержался у насеста, где птица чистила клювом перышки, а потом приблизился к сыну и развернул его к окну, чтобы рассмотреть черты его лица на свету. Волосы юноши горели жарче золота, переливались здоровым блеском, подобно оперению сапсана. У Жоффруа были синие, как море, глаза с зелеными искрами в глубине, и Фульк видел в них ум, а еще самолюбие и огонь. Жоффруа был по-мальчишески гибок; кожа его сияла чистотой, не запятнанная подростковыми прыщами, что зачастую омрачают процесс взросления. Таким сыном можно гордиться, а сможет ли он достойно нести бремя правления, покажет время.

– Справишься ли ты с этой задачей, вот что меня волнует... – Фульк отступил на шаг, но продолжал изучать сына. – У короля Англии есть для тебя предложение.

– Что за предложение? – Жоффруа насторожился и пригубил кубок.

– Он предлагает тебе брак с бывшей императрицей и будущей королевой, а еще возможность стать отцом следующего короля Англии, герцога Нормандии и графа Анжу.

Жоффруа онемел. Он с трудом постигал смысл сказанных отцом слов – мелкими осколками они царапали поверхность его сознания, прежде чем проникнуть внутрь.

– Вот так, – продолжал граф. – Теперь ты понимаешь, почему я спросил, мужчина ли ты? Такое дело под силу только мужчинам.

У Жоффруа свело живот. Он подумал, что его сейчас стошнит, и снова взялся за кубок. Заставил себя сделать несколько глотков, подавляя рвотный рефлекс. Потом отошел от отца к сапсану на жердочке и погладил перышки, шелковистые, как груди деревенских девушек.

– Она же старуха, – выдавил он. – И была замужем за стариком. – Его ноздри наполнились воображаемым запахом старости – кислой, затхлой вонью могил и склепов.

– Ее муж был моложе меня, когда умер, – прорычал его отец. – Или, по-твоему, я стар?

Жоффруа покраснел и растерянно оглянулся:

– Нет, сир.

– Когда ты станешь взрослым, она все еще будет достаточно молодой женщиной.

– Но ею уже пользовались, – пробормотал Жоффруа. Ему было дурно при мысли о подобной жене, и кислый запах по-прежнему стоял у него в носу. – Она не девица.

– Тем лучше. Знает, чего ожидать. Генрих Английский хочет обезопасить свои границы, породнившись с нами, но еще ему нужен молодой жеребец в постели его дочери. Пусть она старше тебя; значит, время на твоей стороне. К тому же всегда можно найти других женщин. Матильда понесла от императора, то есть она не бесплодна, хотя младенец скончался. Виною тому слабое семя ее мужа, но в твою силу верим и я, и король Англии.

Жоффруа ничего не сказал. Его переполняло разочарование. Даже если брак с женщиной столь высокого ранга – это престиж, молодой человек не мог смириться с мыслью о том, что его невеста не девственница и не робкая юная красавица.

Подавленный, он прислонился к стене возле окна. Четырнадцать ему исполнится только в августе, но первая женщина была у него еще в прошлом году во время сбора урожая. Это случилось на сеновале, под огромной желтой луной, и с тех пор он много раз повторял тот опыт. Жоффруа открыл для себя бесконечное наслаждение в плотских утехах и уже считал себя в них знатоком. Отец и половинки не знал о его похождениях. Юноша поджал губы и задумался.

Может, если он будет усерден с этой женой и сделает ей много детей, то рано или поздно она умрет, и тогда он возьмет себе новую жену, по своему вкусу. И конечно, никто не помешает ему иметь любовниц, пока старая жена будет жива.

– А я буду королем, как вы? – повернулся он к отцу с вопросом.

– Пока Генрих сидит на троне – нет, потому что ничего подобного он не потерпит, но никто не живет вечно. И это неслыханно, чтобы королевством правила женщина. Если твои сыновья еще будут малы, когда Генриха не станет, то все окажется в твоих руках. – Фульк назидательно поднял указательный палец. – И надеюсь, я хорошо обучил тебя политике. Никогда не позволяй сердцу или чреслам брать верх над головой. Может случиться так, что королем ты не станешь, тем не менее твои дети будут принадлежать к королевскому роду, и Нормандия также будет твоей. Думай о семье. Ты войдешь в дом правителей Англии и Нормандии. Я буду сидеть на троне Иерусалима. Дети, которые могут родиться у меня, будут твоими единокровными братьями и сестрами. Анжуйский род станет воистину могущественным.

Вот тогда Жоффруа почувствовал сладкую дрожь. Как ни противна мысль о браке со старухой, перспектива получить столько власти возбудила его. Он словно напился солнечного света. Вот будет здорово, если ему будет покорна сама императрица. Вот будет здорово, если в ее животе будет расти его ребенок.

– Итак, я повторяю вопрос, – сказал отец. – Достаточно ли ты возмужал душой и телом, чтобы сделать это?

Жоффруа сверкнул глазами:

– Да, сир.

Фульк одобритительно кивнул:

– Хорошо. Тогда мы примем предложение Генриха. Я сейчас же велю писцу составить ответ.

Матильда сидела в саду Винчестерского замка и наблюдала за стайкой воробьев, которые сутились около каменной поилки для птиц. Сверкали капельки воды, ни на миг не стихало беззаботное чириканье и щебет. Она вспомнила, как гуляла с Генрихом по садам Шпайера. Шагая рука об руку, они обсуждали, где разбить клумбы, как ухаживать за деревьями, чтобы они плодоносили долгие годы. Ни он, ни она не знали тогда, что ждет их впереди.

Она вышла на свежий воздух, чтобы насладиться весенней свежестью, а заодно чтобы закончить на свету шитье и подумать. В последнее время в замке воцарилась странная атмосфера. Что-то назревает. Ее отец стал крайне раздражительным, а Аделиза обращается с ней с повышенным вниманием и заботой. Роберт всегда слишком занят делами, у него не находится ни минутки, чтобы поговорить с ней, а Бриан вообще почти не показывается на глаза. Не требовалось особого ума, чтобы догадаться о причине.

Суэта у садовых ворот отвлекла Матильду от ее мыслей. Она подняла глаза и увидела там отца. Король с обычной для него властью велел приближенным остановиться, а сам двинулся по направлению к скамейке, где сидела она. Наклонив голову, словно бык в атаке, он быстро шагал и помахивал на ходу посохом из полированного дуба. Выражение его лица было милостивым, но твердым.

Матильда выпрямилась. Ее сердце учащенно забилося.

– Да, дочь моя, это чудесный весенний день для того, чтобы выйти в сад, – сказал отец, сев рядом с ней. При виде купающихся в поилке воробьев он усмехнулся. – Как похожи они на некоторых из моих придворных.

Матильда улыбнулась:

– Я только что думала о покойном супруге и о садах, которые мы с ним планировали разбить в Шпайере. Он всегда любил это время года.

Генрих положил посох на колени:

– Теперь настало время планировать новый сад и обратить мысли к будущему. У меня для тебя есть замечательная новость, и я надеюсь, ты будешь рада, услышав, в чем она заключается.

– Кажется, я знаю, о чем пойдет речь. – Она говорила ровным тоном, желая скрыть тревогу.

– Неужели? – Король насмешливо прищурился, но взгляд его оставался жестким.

– Вы не стали бы отпускать слуг из-за пустяка.

Генрих удивленно хмыкнул:

– Ну да, вероятно, все догадывались о том, что происходит, хотя подробности известны лишь немногим. Еще будет время огласить новость, сначала я должен открыть ее той, кого она касается больше остальных. – Отец сжал ладонями руку Матильду.

– Итак, кто станет моим мужем?

Он улыбнулся и не сразу дал прямой ответ.

– У тебя будет большое состояние и великолепный дом; ты ни в чем не будешь нуждаться. К будущему супругу ты придешь осыпанная славой, как и подобает королеве. Тебя будут окружать богатство и роскошь. Никто не посмеет сказать, будто я обрек дочь на прозябание.

Значит, стороны уже обо всем договорились. Вот как далеко зашло дело. У Матильды застыла кровь в жилах. И столь важную новость ей сообщают игривым тоном.

– Куда я отправлюсь? – резко спросила она. – И за кого выйду замуж? Скажите же мне! Отец расплылся в довольной улыбке, от которой Матильду сковал ледяной ужас.

– Ты выйдешь замуж за сына того, кто вот-вот станет величайшим королем в христианском мире.

Она смотрела на него и пыталась сообразить, кого отец имеет в виду.

– Фульк Анжуйский скоро женится на принцессе Мелисенде и сядет на трон Иерусалима. Когда он отъедет в свое новое королевство, графом Анжу станет его сын Жоффруа. Это прекрасный молодой человек, и он даст тебе крепких сыновей. А еще ваш брак укрепит наши границы и заставит французов умерить аппетиты.

Зелень и цветы слились перед Матильдой в мутное пятно.

– Жоффруа Анжуйский, – повторила она, не в силах поверить своим ушам. – Вы хотите, чтобы я вышла замуж за Жоффруа Анжуйского?

Дурнота подкатила к горлу.

Улыбка исчезла из отцовских глаз, остался только холодный блеск.

– Я ожидаю от тебя послушания. Прими мое решение с благодарностью.

Она сглотнула. Как он может требовать от нее такого?

– Но он же еще ребенок. – Ее губы презрительно скривились. – Вы хотите, чтобы моим мужем стал мальчишка, сын простого графа? Вы желаете обесчестить собственную дочь?

Его лицо потемнело.

– Следи за своими словами. Поддержка анжуйских графов жизненно важна для безопасности наших земель. Молодость Жоффруа Анжуйского нам только на руку. И очень скоро он станет мужчиной.

– Но сейчас-то он не мужчина. Он неопытный юнец. Сколько ему лет? Тринадцать?

– Ему почти четырнадцать. К моменту вашего обручения он достигнет совершеннолетия.

Матильда с усилием встала на ноги:

– Пожалейте меня. Не заставляйте делать это.

– Это твой долг, дочь моя. – Генрих тоже поднялся; она была высокого роста, и они смотрели друг другу прямо в глаза. – Ты сделаешь так, как я скажу. А иначе какая мне от тебя польза? Тогда тебя следовало оставить в Германии, в каком-нибудь монастыре. Для тебя нет лучшей партии, чем Жоффруа. Мальчишка сам по себе ничего не значит, за исключением того, что он сумеет наполнить твоё чрево семенем, и тогда ты родишь мне наследников. Как только это произойдет, ты сможешь жить, как захочешь.

Матильда забыла о том, чтобы дышать. Она не могла думать ни о чем, кроме того, что ее выдают за ровесника того прыщавого юнца, что выносит из ее покоев ночные горшки. Ей казалось, что родной отец вымазал ее испражнениями.

– Я была императрицей, а вы хотите так унижить меня! – выпалила Матильда. – Не соглашусь! – Ее обуяла ярость – как всегда, когда она была напугана или оказывалась загнанной в угол. – Теперь понятно, почему вы боялись сказать о своих планах баронам!

– Мои ближайшие советники согласны со мной в том, что это хороший политический ход, – процедил Генрих сквозь стиснутые зубы.

– Но ближайшим советникам и полагается думать так же, как вы, и соглашаться со всем, что вы скажете, – протестовала дочь. – Если вам нужен всего лишь жеребец, неужели не нашлось мужчины получше, чем сосунок вроде Жоффруа Анжуйского? Глупо отсылать меня в Анжу и открывать дорогу другим, чтобы они добивались вашей короны, а я никогда не считала вас глупцом – до сегодняшнего дня.

– Клянусь Богом, я не спущу неповиновения, – задохнулся от гнева Генрих и потряс посохом перед лицом упрямцы. – Если ты не подчинишься, то твоя спина познакомится с моим посохом, ты слышишь? Повелеваю тебе сейчас же опуститься на колени и молить меня, своего отца и господина, о прощении. Такое поведение я не потерплю ни от своих подданных, ни от собственных детей, которые должны быть примером для других!

Слезы отчаяния щипали глаза, но Матильда отказывалась плакать и не сдавалась.

– Но скажите, какая польза будет государству от моего брака с анжуйским щенком?

Генрих с размаху ударил ее по лицу. Резкий звук пощечины напугал воробьев – они вспорхнули и разлетелись.

– Прочь! – прорычал король. – Убирайся долой с глаз моих. Завтра мы опять поговорим, и клянусь всем, что только есть святого, ты дашь мне иной ответ или жестоко заплатишься за упрямство!

Матильда развернулась, не сделав реверанса, и ушла с гордо поднятой головой. От удара ее щека онемела, во рту чувствовался вкус крови. Ее мысли пребывали в полном смятении. Маленькой девочкой ей очень не хотелось уезжать в Германию к незнакомому взрослому жениху, однако возражать она не могла – была слишком мала и бесправна. Теперь она взрослая – и столь же бесправная, как и в детстве. У женщин нет никакой власти, только те крохи, что бросят им мужчины.

Входя в собор, она ощущала себя каменной статуей, а не живым человеком. Как он мог? Как он мог! Неужели она должна стерпеть это?! Матильда распростерлась перед алтарем и попыталась собраться с мыслями, попыталась отнестись к желанию отца так, как положено послушной дочери. Но не было в ней покорности, а только отчаяние и гнев. Ей придется выйти замуж за мальчишку вдвое моложе ее. Любой, у кого есть хоть капля разума, увидел бы, что это нелепость. Отец сказал, что его приближенные поддерживали это решение. То есть ее брат Роберт и Бриан Фицконт знают обо всем и не отговорили короля. Ее предали. Матильда думала о них лучше, но очевидно, и они тоже воспринимают ее только как женщину, которой следует указать на место. В ней видят лишь сосуд для выведения потомства. И этот... этот соплик! Да у него голова, должно быть, кругом идет от власти и престижа, которые принесет ему брак с ней.

Матильда уставилась на трепетное пламя свечей, горящих вокруг алтаря. Ее мысли вновь обратились к покойному мужу. Ах, если бы он был жив...

Ее ценили бы и защищали. Император никогда бы не подверг ее унижению. Но она осталась одна и должна сама позаботиться о себе. Да только как? Ей не к кому обратиться за помощью, кроме Бога, но и Он, похоже, отвернулся от нее.

И если бы Господь был милостив и не отобрал бы у ее малыша жизнь, сейчас у нее была бы цель, было бы свое место в жизни. Она обладала бы властью при дворе покойного мужа-императора, а не превратилась бы в пешку в руках других людей.

Потом Матильда вернулась в замок, ушла в свои покои и велела прислуге приготовить ей постель. Она рано ляжет спать, а ужинать в зале с королем не будет, объяснила Матильда.

– Госпожа, вы нездоровы? – спросила Ули.

– Да, – отрезала Матильда. – У меня болит душа. Оставьте меня, все оставьте. Я позову, если мне что-то понадобится.

– Миледи...

– Вон! – взвизгнула она.

Услышав, как закрылась дверь, несчастная упала на постель и отвернулась к стене.

Ее разбудил голос мачехи, что-то говорившей прислуге, и вкусные запахи. Спустя мгновение полог вокруг кровати раздвинулся, и появилась сама Аделиза с подносом в руках. Она принесла ей миску горячего супа, свежего хрустящего хлеба и кусок жареной курицы

с шафраном. За ее спиной хлопотали служанки: зажигали свечи, закрывали ставни, за которыми сгустились весенние сиреневые сумерки. Матильда села в постели, и Аделиза поставила поднос на крышку сундука у кровати. Она не забыла прихватить сложенную салфетку и маленькую миску с цветочной водой для омовения пальцев.

– Меня огорчила новость о вашем недомогании, – мягко проговорила королева.

– Вас послал ко мне отец? – нахмурилась Матильда.

Аделиза взглянула на нее с укором:

– Конечно нет. А когда я сказала ему о том, что иду поговорить с вами и отнести вам еды, ваш отец рассердился. – Потом она посмотрела на падчерицу понимающим взглядом. – Он считает, вы не заслуживаете, чтобы вас кормили, и что голод помог бы вам привести мысли в порядок. Но меня это не остановило.

Матильда воззрилась на красиво собранный поднос.

– Я бы лучше голодала, – прошипела она. – И я не хочу есть.

– Не верю, – спокойно заявила Аделиза. – У вас хороший аппетит, и вам нужно подкрепиться.

Но Матильда продолжала хмуриться. Есть и вправду не очень хотелось, однако ей пришлось в голову, что, поев, она поступит вопреки воле отца, ведь он не хотел, чтобы Аделиза приносила ей ужин.

– Вы правы, наверное, стоит перекусить, – сказала она и потянулась за хлебом.

Мачеха налила им обеим вина и присела на край кровати.

– Спросите себя, чего вы добьетесь, противясь отцу. Куда пойдете, если не станете слушаться его?

Матильда ломала хлеб на мелкие кусочки.

– Значит, вы с ними заодно, – с горечью произнесла она. – Вы такая же, как все?

Аделиза покачала головой:

– Я тревожусь и за вас, и за вашего отца. Мне понятно, как трудно вам согласиться. Вы потеряли любимого мужа и высокое положение при императорском дворе. Но подумайте о будущем, о том, что будет через несколько лет. Вот, выпейте и утешьтесь.

Падчерица оттолкнула чашу, так что вино плеснулось через край.

– Вы думаете, вино утешит меня? Неужели в этом ваш совет – напиться до забытья?

Мачеха, погрузнев, промокнула салфеткой пролитое вино.

– Я думаю, что утешение вы найдете в церкви и своих детях, когда придет время.

– Господь может дать мне силы, но не уменьшит боль, и уж точно не найти мне утешения у церковников, – язвительно парировала Матильда. Аделиза отпрянула в ужасе от ее слов, отчего Матильде стало немного стыдно. – А что касается детей, в браке с Генрихом мне не было дано такого утешения, как и вам в браке с моим отцом. Так почему я должна надеяться на то, что когда-нибудь испытаю счастье материнства? – У нее срывался голос. – Я родила Генриху ребенка и в тот же день похоронила его.

– Всей душой сочувствую вам. – На лице Аделизы отразилась боль, и она потянулась к падчерице, но та отодвинулась. Королева опустила руку и стала разглаживать покрывало, хотя складок там не было. – Возможно, у мужчины имеется только ограниченный запас семени. Более молодой... – У нее порозовели щеки. – Я не хочу сказать ничего плохого ни о вашем первом муже, ни о вашем отце, но говорю вам как женщина женщине: может быть, в новом браке вы сумеете зачать и родить.

Матильда испытующе посмотрела на мачеху:

– Вы бы поменялись со мной местами?

Теперь румянец захватил все лицо Аделизы.

– На вашем месте я бы думала о своем долге перед теми, кто желает, чтобы я вступила в этот брак. Я бы думала о том, что хорошего он может принести мне. О возможных в этом

браке детей и о том, что со временем, когда молодой муж повзрослеет, я смогу полюбить его. Разница в возрасте вскоре сократится и не будет уже иметь большого значения. — Она поджала губы. — Мы учимся жить с тем, чего не в силах изменить, и благодарим Господа за то, что имеем. Будем откровенны: что вам остается делать? Ваш отец не переменит раз принятого решения. Если вы откажетесь слушаться, он сделает своими наследниками блуаских племянников, вас же заточит в монастырь. А ведь вы вернулись из Германии домой, лишь бы не становиться монахиней. Так разве теперь вы предпочтете затворничество?

Матильда сморгнула слезы с ресниц, злясь на себя за то, что все-таки расплакалась.

— Хоть бы раз... — хрипло выдавила она, — один-единственный раз он увидел во мне живого человека. Нет, для него я всего лишь орудие.

— Ах нет, не думайте так! — Аделиза всплеснула руками. — Отец гордится вами, очень гордится, и именно поэтому он неуступчив. Генрих знает ваши возможности и хочет дать вам все самое лучшее.

— Лучшее! — сквозь слезы усмехнулась Матильда. — Жоффруа Анжуйский — это лучшее? Тогда упаси меня Господь от худшего.

— Послушайте. — Казалось, терпение королевы неистощимо. — Я понимаю, этот брачный союз стал для вас полной неожиданностью, но все устроится, вот увидите. — Она наклонилась и поцеловала падчерицу в щеку. — Я оставлю вас подумать об этом еще немного.

— Вы боитесь, что мой отец будет недоволен вашим долгим отсутствием?

— Король сегодня занят другими делами. — Аделиза произнесла эти слова с натянутой улыбкой, и Матильде не составило труда догадаться, что ее отец уединился с одной из множества любовниц и, вероятно, скачет на ней с той же беспощадностью, с какой загоняет своих лошадей, когда бывает рассержен. — Просто мне больше нечего вам сказать. Решение вам нужно принять самостоятельно.

После ухода мачехи Матильда поборолла желание снова затянуть полог кровати и спрятаться от всего света. Слова королевы напомнили ей о том, что у нее есть обязанности и роль в государстве. За ужином она смогла думать спокойнее. Да, она оказалась в безвыходном положении. Единственный путь для нее — согласиться на брак, который уготовил ей отец.

Он говорил, что это замужество принесет ей славу. Наверное, так и есть, если смотреть поверхностно. Однако по сути анжуйский мальчишка ей не ровня. Для нее брак станет позором.

Бриан оторвался от письма, которое писал своему коннетаблю в Уоллингфорд, и увидел, что к нему шагает Роджер, епископ Солсберийский. Утыканный самоцветами посох резал воздух, темные глаза сузились, а губы плотно сжались. Бриан встал из-за стола и затем опустился на колено, чтобы поцеловать сапфировый перстень на стиснутом кулаке.

— Примете ли вы немного вина, милорд? — вежливо предложил он.

Епископ коротко махнул рукой, и Бриан наполнил для него кубок из кувшина, стоявшего на приставном столе. Затылком он чувствовал жаркое дыхание Роджера.

— Что вы знаете о тех слухах, которые ходят при дворе? — сразу приступил к делу епископ, забирая кубок из руки Бриана.

Фицконт напрягся.

— Милорд, при дворе всегда полно слухов.

— Я говорю о предполагаемой помолвке императрицы с Жоффруа Анжуйским. Вы пользуетесь доверием короля, наверняка что-то слышали. Вы не дурак и не глухой, и я тоже, хотя годы мои уже не те. — Он скривил губы.

Бриан промолчал под тем предлогом, что ему понадобилось налить вина и себе.

– Мне отлично известно: король обсуждал это замужество с вами и с Глостером, – грозно рычал Роджер Солсберийский. – Когда он собирается оповестить о своих планах остальных? Или он намерен оставить нас в неведении?

– Вряд ли я смогу сказать вам что-то, чего вы еще не слышали, сир, – глухо отозвался Бриан.

– Да, но я не желаю узнавать о делах государственной важности через задние двери и замочные скважины. Если Генрих выдаст дочь замуж за анжуйского отпрыска, то сильно пожалеет об этом. Начнутся мятежи, народ восстанет против него, попомните мои слова.

Бриан изогнул брови:

– Вам это точно известно, милорд епископ? Не поможете ли составить мне список тех людей, которые, по-вашему, могут представлять угрозу? – Он указал на свои письменные принадлежности. – И как вы считаете, не удвоить ли мне охрану, приставленную к Галерану де Мелану?

Роджер Солсберийский вспыхнул:

– Вы ведете себя нагло. Я помню вас сопливым пажом, трущимся позади настоящих мужчин. Можете считать себя умником, но любой дурак в состоянии завязать веревку петель, чтобы повеситься. Вот вы сами – неужели находите этот брак хорошим политическим решением?

– Сир, об этом вам лучше поговорить с королем.

– Я ждал, когда же он соблаговолит призвать нас для этого разговора, в этом-то и дело. – Епископ хлебнул вина и поставил кубок на стол. – А поскольку он так и не призвал нас, а я предупреждал, что присягаю на верность его дочери только при условии, что с нами посоветуются относительно ее нового замужества, мне предстоит все внимательно взвесить. – Он плотнее запахнул полы своей блистающей мантии. – На этот раз Генрих заведет нас в трясину. Сегодня в этом дворце я, пожалуй, не единственный глупец.

– Сир, трясина и так уже вокруг нас, и король пытается навести через нее переправу. Если мы упадем с этой переправы, то чья в этом будет вина?

Епископ вцепился в свой посох так, что побелели костяшки пальцев:

– Я не собираюсь никуда падать!

Похоже, епископ не догадывается, что уже стоит по колено в воде, подумал Бриан.

– Этот брачный союз разрушит все, построенное королем, так и знайте! Люди не станут повиноваться анжуйскому молокососу, а племянники Генриха и весь род Блуа расценят такой выбор жениха как личное оскорбление. Не понимаю, о чем он вообще думал! – Сжимая посох, епископ в бешенстве удалился.

Бриан тяжело вздохнул и попытался вернуться к работе, однако мысли его были заняты другим. Во многом он соглашался с епископом, хотя и понимал, что епископ играет свою игру. Король все делает для того, чтобы у него оставалось как можно больше вариантов; беда в том, что такая политика неминуемо приведет к нестабильности. А мнение Генриха о собственной неуязвимости только осложняет дело: он не собирался умирать и отдавать кому-то власть. Планы на будущее без себя он, конечно, строит, но не представляет, что когда-нибудь наступит такое время, когда его не будет на троне и он не сможет следить за тем, чтобы его повеления исполнялись.

О Матильде Бриан вообще старался не думать, помимо своих обязанностей перед ней как своей госпожой. Все остальное было невыносимо.

Бриан в последний раз провел скребницей по холке Соболя и, утирая рукавом пот со лба, отошел, чтобы полюбоваться блестящей шерстью жеребца – она лоснилась под весенним солнцем, словно вишня. Время от времени он с удовольствием сам чистил лошадь, к тому же это был отличный способ проверить, должным ли образом исполняют свою работу

конюхи. А еще, подобно письму, этот вид деятельности успокаивал Бриана, дарил ощущения порядка и полезности. И к тому же на конюшне можно спрятаться от переполоха, вызванного будущим бракосочетанием вдовы-императрицы с наследником Анжу. С тех пор как она узнала о том, что ей предстоит, Матильда не покидает своей опочивальни, а ее отец пребывает в ярости. Сегодня он приказал, чтобы начали собирать вещи для путешествия невесты к жениху. При дворе было беспокойно, поскольку с большинством прелатов и баронов из окружения короля не посоветовались относительно брачных планов. Но Генрих нетерпимым тоном и с лицом мрачнее тучи пресекает любые возражения. И не нашлось ни одного безумца, который рискнул бы противостоять ему.

Бриан велел оруженосцу принести сбрую Соболя. В конюшне ожидали прибытия новых лошадей, и конюхи вычищали стойла, стелили свежую солому. Гилберт, старейший маршал короля, надзирал за процессом, а его старший сын помогал конюхам. Бриан едва успел отскочить, когда из ворот конюшни вылетел большой комок навоза.

– Эй, поосторожней! – крикнул он.

Сын маршала оглянулся через плечо и насмешливо поклонился.

Бриан поджал губы и подумал, что неплохо бы приглядеть за Джоном Фиц-Гилбертом-младшим. Слишком уж он самоуверен, этот парень.

Вернулся оруженосец со сбруей, а через мгновение во двор вышла императрица в сопровождении камеристок и предводителя ее рыцарей Дрого. Матильда была одета в платье для верховой езды; ее конюх направился за кобылой для нее.

– Миледи, – склонился в глубоком поклоне Бриан.

Ответом ему был нетерпеливый жест и брошенная вскользь фраза:

– Если и вы собрались куда-то верхом, то можете отправиться со мной.

Бриан открыл было рот, собираясь возразить, что у него другие дела, но слова застряли в горле. Вместо этого он, к удивлению для самого себя, опять поклонился и произнес:

– Как пожелаете, госпожа.

– Как я пожелаю? – с горечью повторила Матильда. – Мне следует быть благодарной Господу за те малые милости, которыми я так избалована.

Позади остались замок и город. Они выехали на дорогу, которая вела через поля и леса, поросшие чистотелом и фиалками. Красота вокруг причиняла Бриану почти физическую боль. Он скакал рядом с Матильдой молча, потому что хотелось сказать очень многое, а своей выдержке и здравому смыслу он сейчас не доверял.

Наконец, спустя долгое время, молчание нарушила Матильда:

– Когда я вернусь с этой прогулки, то скажу отцу, что согласна на брак с Анжу.

Бриан смотрел прямо перед собой.

– Это мудрое решение, госпожа, – глухим голосом выдавил он.

Она тряхнула головой:

– Я так решила, потому что у меня нет другого выбора. И если я откажусь, род Анжу станет нашим врагом и объединится с Францией и Фландрией. Мне понятно, почему отец считает такой брак разумным и своевременным шагом. – Она направила кобылу ближе к Соболю и пристально взглянула на Бриана. – Но подумали ли вы обо всех последствиях, когда обсуждали вопрос с королем?

Под ее глазами пролегли голубоватые тени, похожие на синяки, и Бриану пришлось отвести взгляд.

– Да, миледи, подумал... но переубедить вашего отца было выше моих сил, да и, сказать по правде, его доводы весомы.

– Только почему-то вы не можете смотреть на меня, милорд.

– Что мне было делать? – Теперь он встретился с ней глазами и заставил себя не уклоняться от испытующего взора. – Прежде всего, я слуга короля, как бы высоко ни чтил я его дочь.

– Чтил, честь! – Матильда фыркнула. – Чем только мы не золотим эти странные слова.

– Когда придет время, я вас не подведу. Клянусь жизнью!

– А кто решит, что такое время настало, – вы, сударь, или я? И кто решит, подвели вы меня или нет?

Они снова умолкли, и до конца прогулки Бриан держался от императрицы на расстоянии, поскольку знал: если пробудет рядом с ней еще хоть немного, то не выдержит правды ее горящего взгляда, а этого он никак не мог допустить.

Потому что она права. Честь – это и позолоченная выдумка, и гниющий труп, и дочь его короля не тот человек, который попирает ее во имя политической выгоды.

Глава 9

Руан, лето 1127 года

Матильда присела перед будущим мужем в реверансе, хотя все ее существо бунтовало против того, что приходилось ей делать ради отца, Нормандии и Англии. Жоффруа Анжуйский оказался настоящим красавцем с гладкой алебастровой кожей, огненно-рыжими волосами и глазами цвета морских глубин. Также юноша обладал крупным кадыком, а только что прорезавшийся баритон и надменный изгиб верхней губы пробудили в Матильде мгновенную ненависть к юнцу. Он отвесил ей низкий поклон, но она видела, что эта почтительность показная. Их помолвка была ложью, парчовым покрывалом, под которым спрятали труп. Как же ей делить с ним супружеское ложе, во имя всего святого? Жоффруа надел ей на палец кольцо с тяжелым сапфиром, и от довольной улыбки отца Матильду замутило. Подле Генриха улыбалась и Аделиза, ее лицо светилось радостью оттого, что дочь покорила воле отца.

Само бракосочетание состоится после того, как Жоффруа станет графом Анжу. Ныне же прозвучали лишь обручальные клятвы – они словно связали Матильду в ожидании того дня, когда вокруг нее достроят клетку.

Жоффруа сопровождал ее на праздничный пир, приготовленный в огромном зале для торжеств Руанского дворца. Он подставил локоть, чтобы она опустила ладонь на его рукав, и под пристальными взглядами своего отца и отца невесты исполнил все положенные поклоны и расшаркивания. Его развязная походка и нескрываемое презрение во взгляде вызывали в Матильде желание дать ему хорошую затрещину, какую она непременно залепила бы непочтительному пажу. И она не могла придумать, что сказать ему, поскольку между ними не было ничего общего. О его предпочтениях и увлечениях она ничего не знала и не хотела знать, потому что, какими бы те ни оказались, с ее предпочтениями и увлечениями они не совпадут. Тем, как он выпячивал грудь и хвастливо улыбался своим друзьям, Жоффруа напоминал ей молодого петуха, у которого еще толком не оперился хвост, но он уже горделиво расхаживает по навозной куче. Неужели от нее ждут восхищения?

Ей пришлось делить с ним блюда, подаваемые на пиру. Жоффруа не спрашивал, чего она хотела бы отведать, а он подкладывал ей угощения, чтобы порисоваться своим умением ловко орудовать столовыми приборами. Мясо юноша отделял от кости такими широкими жестами, что взлетали рукава его парадного одеяния, а голубя разделял с почти эротической нежностью, и Матильде чудилась грязная ухмылка на его губах.

И этот позер, этот самовлюбленный подросток будет ее супругом и отцом ее детей?

Между блюдами, когда Жоффруа удалился с товарищами, чтобы облегчиться, Аделиза улучила момент и сжала руку падчерицы.

– Все не так плохо, – прошептала она с ободряющей улыбкой. – Он очень красив и выглядит гораздо старше своих лет, вам не кажется?

Матильда видела: мачеха ждет от нее ответной улыбки и согласия, ей хочется убедиться, что все улажено. Но как это можно уладить, если, будучи императрицей, она вращалась в совершенно ином мире – в мире, где обладала властью, достоинством и почтительным обожанием, где высоко ценилось ее мнение и доброе отношение? Уже теперь было понятно, что ничего подобного с Жоффруа Анжуйским она не получит.

– Насчет него не знаю, но я рядом с ним точно чувствую себя старше своих лет.

Генрих Блуаский, аббат Гластонбери, аккуратно подобрал полы пышного одеяния и уселся на скамью перед очагом напротив своих братьев – Стефана и Тибо. Руан давно спал

под ясным темным небом, присыпанным звездной солью, но здесь, в жилище Стефана, в канделябрах все еще горели свечи, а на столе стоял заново наполненный кувшин вина. Генрих нацедил себе кубок и выпил, следя за тем, чтобы не запачкать усы и бороду.

– Дело сделано, – сказал он. – Вопреки нашим советам дядя помолвил дочь с анжуйским пащенком.

– Это его право. – Стефан тоже подлил себе вина и поерзал на сиденье, удобнее устраивая объемные телеса.

– Но на самом деле ты так не думаешь? – Генрих смерил Стефана взглядом. Иногда брат раздражал его выше всякой меры. – Ты же не хочешь видеть на троне женщину? Или нам всем сделаться подкаблучниками?

Стефан вспыхнул:

– До этого не дойдет. Матильда для него всего лишь еще одна пешка на его шахматной доске. Ты же его знаешь.

– Но если это случится, то наша политика подпадет под анжуйское влияние, а нам оно совсем ни к чему. Тогда Англии точно конец. Уж лучше пусть правит один из нас, чем женщина, которая всю жизнь провела в Германии и вот-вот возьмет в мужья сосунка.

– Есть еще и Клитон, – вступил Тибо.

Генрих обернулся к старшему брату. Тибо носил титул графа Блуа и формально являлся главой семьи, хотя перевешивало обычно мнение Генриха.

– Сейчас он наш общий враг, я согласен, – наклонился вперед младший брат, блеснув шелковым рукавом. – Но вы оба, будучи племянниками монарха, имеете право на Англию и Нормандию. Стефан к тому же породнился с королевской кровью через супругу, и мы знаем, что один из вариантов короля состоит в том, чтобы привести его к трону. Мы должны сделать все, чтобы осуществился именно этот план, несмотря на присягу, которую всех заставили принести. – Он остановил взгляд на Стефане. – Когда дядя умрет, у нас должна быть наготове продуманная стратегия.

На лице Стефана отразилась тревога, и он перекрестился:

– Да продлятся годы его жизни.

Тибо откашлялся:

– Я никогда не стану участвовать в том, что может грозить благополучию нашего дяди.

Генрих подавил раздражение. Порой ему кажется, что их головы набиты соломой.

– Разве я предлагал что-то в этом духе? Да я тоже желаю королю здравствовать! Но даже если кузина Матильда родит сына через девять месяцев после свадьбы, то королю придется жить и сохранять ясный ум до его совершеннолетия, а ведь она еще даже не замужем. Большого таланта не надо, чтобы подсчитать годы. То же самое применимо и к его родному сыну от королевы. – Он развел руки. – Я не призываю вас к предательству, но мы должны планировать наперед, подобно земледельцу, заготавливающему припасы на зиму. Если мы хотим, чтобы наш род процветал, нужно работать над этим, а не сидеть сложа руки. Или вы предпочтете видеть у трона Роберта Глостерского, когда корону мог бы носить один из вас? А ведь так и случится, если Матильда станет королевой: реальная власть окажется у Роберта.

Как и ожидал Генрих, Стефану такая перспектива не понравилась. Отношения между ним и Глостером теплыми не назовешь. С детства эти двое были соперниками во всем: в шахматах, в упражнениях с оружием, в стремлении заслужить внимание и одобрение короля. А король всегда выказывал расположение им обоим поровну, но при этом подогревал их соперничество. Стефан легко поддается влиянию, думал Генрих Блуаский, к тому же он его родной брат, и это лучшая возможность пробиться к власти, так как любой правитель нуждается в советнике и любым правителем можно манипулировать.

– Что же нам делать? – спросил Стефан.

Генрих прикоснулся к самоцветам на своем рукаве, провел кончиками пальцев по холодным граням.

– Нам следует найти надежных людей, которые умеют молчать и которые оценивают положение так же, как мы, и сделать их своими сторонниками, чтобы они поддержали нас в нужный момент. У тебя есть обаяние, брат, ты искусен в общении. Люди тебя любят. Используй это, чтобы привлечь их на нашу сторону.

– Но что с теми, кого привлечь не удастся?

Генрих пожал плечами:

– Если мы хорошо потрудимся, таких будет слишком мало, чтобы принимать их в расчет. – Он воздел к дворцовым сводам указательный палец. – Но не станем торопиться. Сначала нужно подготовить почву, а для этого требуется время и продуманность каждого шага.

Глава 10

Руан, июнь 1128 года

Матильда закрыла глаза и вдохнула пахнущий ладаном воздух. Обычно этот святой аромат и связанный с ним возвышенный ритуал приносили ей утешение, но не сегодня. Все утро она провела в молитвах, однако на душе легче не стало.

На темно-синем шелке платья Матильды блестели золотые нашивки и драгоценные камни: сапфиры, гранаты и жемчуг. Вуаль из золотистой сетки удерживалась на волосах короной, которую она привезла из Германии.

– Вы самая красивая невеста из всех, что я видела, – проговорила Аделиза. Мачеха помогала накинуть мантию из шкурок сотни горностаев.

– Какое это имеет значение? Главное, что я исполняю свои обязанности и делаю то, что велит отец, – безжизненным голосом ответила Матильда.

Аделиза нахмурилась:

– Мне казалось, вы примирились с мыслью о замужестве.

– Я знаю, в чем состоит мой долг, если вы это имеете в виду, но с таким замужеством мне никогда не примириться, и это правда.

Лоб королевы Англии не разгладился.

– Все так гордятся вами. Я знаю, вы способны сделать ваш брак с Жоффруа успешным. – Ее голос звенел глубокой убежденностью. – На посвящении в рыцари ваш будущий муж выглядел таким красавцем. Король доволен им. Он говорит, что для своих лет Жоффруа очень зрелый молодой человек.

Матильда промолчала. Ее суженый со свитой прибыл в Руан неделю назад для участия в предсвадебных торжествах. Жоффруа и несколькими его товарищам король оказал честь, лично посвятив их в рыцари, для чего провели пышную церемонию. Затем Жоффруа получил меч и щит с львятами и золотыми листьями на небесно-лазоревом фоне. Он прекрасно показал себя в верховой езде и владении оружием, а также проводил немало времени, удивившись со своим отцом. С невестой же, напротив, жених не провел ни минуты помимо того, что требовали празднества, и это вызывало в ней смешанные чувства: и недовольство, и облегчение.

Отец задаривал ее драгоценностями и одеждой, лошадьми, ловчими птицами, сундуками с серебром. Лишь одно слово – и он дал бы ей любое сокровище мира, но никаким богатством не искупить того, к чему он ее принуждает. Она понимала: такой милостью отец не пытается загладить свою вину перед ней, поскольку, с его точки зрения, он ни в чем не провинился перед дочерью. Скорее, эти дары были наградой за ее послушание и одновременно демонстрацией всему свету его щедрости.

В предстоящие четыре дня свадебный кортеж преодолеет сто двадцать миль до Ле-Мана, где и состоится бракосочетание в величественном соборе в присутствии всей анжуйской знати.

– А вы бы согласились оказаться на моем месте? – спросила она Аделизу.

– Если бы такова была моя судьба, то да, – ответила та. – Вы должны верить, что все получится. Улыбнитесь, и на сердце у вас станет веселее.

Матильда изогнула губы:

– Но это было бы ложью.

– Это ваш долг, – бросила Аделиза более резким тоном. – Думаете, что в моей жизни все легко, поскольку я всегда мила и довольна? Вы представить себе не можете, как трудно порой мне приходится. Но я улыбаюсь, потому что я королева и потому что Господом Богом

данная мне роль – помогать и поддерживать вашего отца. Когда я смотрю на жизнь в таком свете, мое служение становится наградой, а не бременем.

Матильда отвела глаза и промолчала, так как знала: никогда она не смирится с тем, что ее мужем станет этот кичливый мальчишка. И это после того, как она была супругой настоящего мужчины, достойного и прославленного. Мачехе не понять. Как же тосковала молодая вдова по своей жизни в Германии! Здесь все как будто против нее и считают этот брак завидной участью для любой женщины, а в ее нежелании выходить за анжуйца видят лишь капризы вздорной дурочки, которой неплохо бы указать на место. Те, кому ее будущий муж не нравится, либо относятся к числу врагов ее отца, либо преследуют свои цели. Ей не на кого положиться, кроме как на себя, и от этого Матильда чувствовала себя бесконечно одинокой.

Аделиза поцеловала ее.

– Мне пора идти, – сказала она, – надо одеться и проверить, все ли в порядке. А вы, ради своего же блага, подумайте о моих словах.

– Я беспокоюсь о Матильде, – проговорила Аделиза и опустилась на колени на прикроватный коврик из овчины, чтобы снять с Генриха сапоги. Было уже поздно. Они остались вдвоем в опочивальне, которую им отвели в крепости Брионн, где свадебный кортеж сделал остановку на ночь на пути в Ле-Ман.

Ее супруг нетерпеливо отмахнулся:

– Она моя дочь. И знает, чего от нее ожидают, и анжуйский отрок тоже. – Генрих удивленно хмыкнул. – Между прочим, мальчишка уже опытный. Конечно, он не сам мне об этом сообщил, а болтовню его дружков-балбесов я и слушать не стану, но мои источники доносят, что Жоффруа не девственник. Ему известно, что делать, и, будь на то воля Господа, он сделает ей ребенка в первую же брачную ночь.

Аделиза начала растирать его стопы.

– И все-таки я не могу не переживать. Для Матильды это такой трудный шаг. – Аделиза с кроткой улыбкой подняла на супруга глаза. – Я очень полюбила ее, и мне будет ее не хватать – не только как дочери, но и как друга.

– Она сможет навещать нас, и вы будете писать друг другу, – буркнул Генрих. – Вы, женщины, любите поболтать, уж я вас знаю. Но у вас есть придворные дамы, есть обязанности королевы и супруги – найдете, чем занять время.

На это жена ответила улыбкой, но, чтобы скрыть печаль в глазах, стала усерднее тереть ноги мужа. Книги и лечебницы для прокаженных, благотворительность и небольшие хартии... У нее нет стремления господствовать над миром мужчин; свое главное предназначение Аделиза видит в том, чтобы быть безупречной королевой и женщиной. И каждый раз, когда после ночного визита Генриха приходят регулы, ее переполняет чувство собственной ущербности.

– И у меня есть вы, милорд.

Генрих притянул ее к себе и поцеловал:

– Здесь и сейчас я признаю, что тоже буду скучать по Матильде, хотя больше нигде не повторю таких слов. Но мне нужно, чтобы она заключила этот брак. Идите же, утешьте меня. Давненько мы с вами этого не делали.

Аделиза беспрекословно отдалась ему, как и подобает послушной супруге. В последнее время они редко делили постель. С любовницами из числа придворных дам Генрих по-прежнему имел частые свидания, но супругу по ночам почти не навещал, словно из-за ее неизменных регулов перестал видеть в этом смысл.

Она знала, что супруг предпочитает пышных, полногрудых дам, тогда как сама она была худенькой, почти без единого изгиба. Когда он приходил, королева всегда принимала

его с готовностью, хотя соитие и причиняло боль. К счастью, процесс редко затягивался. Генрих быстро делал свое дело.

Когда он закончил и скатился с нее, Аделиза задалась вопросом: а как это будет для Матильды и Жоффруа? Оправляя на себе одежду, она вспомнила то, что говорила падчерице о разнице между наградой и бременем, и едва не пустила защищавшую глаза слезу.

Матильда посмотрела на левую руку – там не было ни единого украшения, кроме тонкого золотого колечка. Этим утром кольцо надел ей на палец Жоффруа в соборе Сен-Жюльен в Ле-Мане. Великолепие собора разрушило стену, которую женщина возвела вокруг своей души, и она, восхищенная, даже завороженная, слушала мессу, стоя перед алтарем рядом с мальчиком-мужем. Всей душой ощущала она присутствие и сущность Бога, проникалась высшей благодатью – и мучительной болью оттого, что пришлось ей дать здесь, перед лицом Всевышнего, обет слушаться и любить мужа. Она солгала своему Создателю. До чего же нынешнее бракосочетание не походило на свадьбу в Шпайере. Ей казалось, что ее извляли в грязи.

На протяжении всего этого дня она была не в силах посмотреть на Жоффруа, зато его взгляд ощущала на себе постоянно. Как она вынесет прикосновение его рук к ее телу, Матильда даже не представляла. Единственная надежда состояла в том, что она не понесет от анжуйца, и тогда брак можно будет расторгнуть. Прачка Оса рассказала Матильде, что нужно сделать, чтобы зачатия не произошло.

Женщины привели ее в просторные покои, где молодым супругам предстояло провести первую брачную ночь. Невидящим взглядом новобрачная смотрела на широкую кровать с чистыми простынями и узорчатыми покрывалами, на расписные сундуки и роскошные гобелены на стенах. Прислуга уже перенесла сюда ее костяные гребни, горшочки с притираниями, ларцы с драгоценностями и украшениями. От небольшой жаровни, где горели благовония и кора, поднимался ароматный дым, но Матильду все равно мучило. Великолепие обстановки только подчеркивало мерзость того, что с ней происходит.

Аделиза осматривалась вокруг и одобрительно кивала.

– Ну, вы тут прекрасно устроитесь, – заключила она. – Все будет хорошо.

– Вы так часто это повторяете, – вздохнула Матильда. – Вы себя пытаетесь в этом убедить?

Мачеха на мгновение растерялась, но быстро оправилась.

– Вы должны, по крайней мере, попытаться. А теперь давайте-ка я дам вам немного горячего вина, потом помогу раздеться.

Со стиснутыми зубами Матильда отдалась заботам Аделизы. Ей хотелось ударить ее, но она понимала, что несправедливо вымещать злость на женщине столь же бессильной, как и она сама. Ни у одной из них нет права выбора, просто королева Англии лучше приспособливается.

Матильда стояла, уставившись в стену, пока женщины снимали с нее красное шелковое платье и золотой пояс, позолоченные башмачки, чулки на парчовых подвязках, унизанных по краям жемчужинами, корону с цветами из золота, фату и ленты с кос. Все это аккуратно складывалось и убиралось, и в конце концов она осталась стоять босой в простой сорочке с завязками под горлом. Как девственница, подумала Матильда. Служанки расчесывали ей волосы до тех пор, пока они не стали похожими на темный водопад, льющийся ей на бедра. «Я – женщина, лишенная всякой власти, уже не императрица, меня приносят в жертву».

– Мне нужно в уборную, – сказала она и прошла через комнату в маленький темный закуток в толще стены.

Там, под кусками мха и лоскутками для подтирания, лежал флакончик с уксусом, заранее припрятанный Осой. Закусив губу, Матильда смочила уксусом комочек мха, присела

на корточки и вставила его в свое лоно так глубоко, как только смогла. По словам прачки, укус поможет избежать зачатия. Конечно, есть риск, что мужчина узнает об уловке, однако к этому способу не без успеха прибегали множество женщин, и это гораздо надежней, чем прятать под подушкой мужа листья петрушки или носить на шее амулет с яичками куницы.

Выполнив дело, Матильда вернулась к служанкам. Она почувствовала, что ее пальцы пахнут уксусом, и ополоснула руки в чаше для омовений, после чего втерла в запястья мазь из розовых лепестков.

– Вы хорошо себя чувствуете? – озабоченно осведомилась Аделиза.

– Да, – заставила себя кивнуть падчерица.

У нее за спиной женщины суетились вокруг кровати, высвобождая из захватов полог и сворачивая покрывала. Матильда влезла между простынями, расправила вдоль бедер сорочку и приняла из рук мачехи кубок вина.

Что лучше, опьянеть или остаться трезвой, гадала она.

Жених прибыл с шумной толпой приятелей, и вот тогда Матильде стало по-настоящему дурно. Он был одет в белую рубашку, похожую на ее сорочку, а также в чулки и брэ; на плечи ему набросили отороченную мехами мантию.

Матильда помолилась о том, чтобы он не раздевался, потому что она не желала видеть его белое узкое мальчишеское тело.

Его собутыльники оглушительно хохотали и с трудом держались на ногах. Двое из них обхватили друг друга и топтались в импровизированном танце, вскидывая колени. Матильда сжала челюсти, намереваясь сохранять королевское достоинство вопреки этому подростковому фиглярству. Потом один юнец стянул со своей головы цветочный венок, пританцовывая, подошел к кровати и набросил его на темные волосы невесты. Она не знала, поправить венок, чтобы он не съехал ей на лицо, или сорвать его и отшвырнуть прочь. К счастью, к ней склонилась Аделиза и забрала венок. Улыбка на лице мачехи казалась теперь высеченной из камня.

– Это же какой-то балаган! – прошипела Матильда. – И вы по-прежнему хотите уверить меня, что все будет хорошо?

– На любой свадьбе случаются моменты, подобные этому, – дрогнувшим голосом сказала Аделиза. – Доверьтесь Господу. Ваш муж трезв, и это хороший знак.

Да, вот только супруга предпочла бы видеть его пьяным – пьяным до бесчувствия.

Затем нетвердой походкой вошел ее отец. В отличие от своего новоиспеченного зятя, он на пиру от возлияний не воздерживался. Вместе с ним ввалились отец Жоффруа и епископ Ле-Мана. Все трое пребывали в превосходном расположении духа, сытые и довольные собой. Друзки Жоффруа силой подвели жениха к кровати и толкнули к Матильде. Ему пришлось отбиваться от наиболее нетрезвых из своих рыцарей. Гости собрались вокруг постели новобрачных, чтобы послушать, как епископ благословляет пару и желает им многочисленного потомства. На протяжении церемонии Матильда думала о комке мха, закрывающем вход в ее чрево, и ее триумф смешивался с тошнотой. Это грех, тяжкий грех, но если благодаря ему она добьется расторжения брака, то даже такая цена не чрезмерна.

После благословения гости покинули опочивальню. Вместе со всеми удалились и ее отец с Фульком Анжуйским, похлопывая друг друга по плечу и смеясь, словно закадычные друзья. Аделиза на прощание бросила Матильде подбадривающий взгляд; улыбка так и не сошла с ее лица. Задержались лишь несколько приятелей жениха, слишком пьяные, чтобы помнить об этикете.

Жоффруа поднялся с постели, вытолкнул друзей прочь и запер за ними дверь, с силой опустив засов. Вернувшись к кровати, он встал в изножье и посмотрел на жену.

Матильда пригубила вина и впервые за день как следует рассмотрела его: на лоб падает волна золотисто-рыжих волос, борода не более чем пушок, а гладкая кожа пока не огрубела.

И тем не менее этот стройный и гибкий мальчик излучает некую силу и напоминает падшего ангела. У женщины пробежал по спине холодок. Сколько в его теперешнем поведении бравады перед лицом опасности, хотелось ей понять. Она ведь и в самом деле может быть опасной, как лвица, преследующая добычу.

Его тонкие рыжие брови сошлись к переносице. Расправив плечи, он подошел к Матильде, забрал из ее рук кубок и решительным жестом отставил в сторону. Отбросил покрывала и потянул ее за руку, принуждая встать на ноги.

– Итак, – сказал он, учащенно дыша, – позвольте мне увидеть, ради чего я принес сегодня брачные обеты.

Со времени их помолвки он заметно вытянулся и обогнал ее в росте, а его хватка была крепкой и уверенной. Несмотря на отвращение, Матильда ощутила дрожь желания. Он взял на себя инициативу, поднял ее с кровати, и это удивило и даже немного сбilo с толку. Она-то думала, что юноша растеряется, когда наступит этот момент, поведет себя неуклюже и нерешительно. А он же действовал не как мальчик, а как мужчина, привыкший добиваться своего.

Жоффруа развязал шнурки под горлом Матильды и стянул с нее через голову сорочку. Сначала он неспешно рассмотрел ее с ног до головы и только потом погладил ее груди. На холоде ее соски напряглись, а его пальцы, хоть и покрытые нежной кожей, были тверды.

– Вашему отцу нужен молодой жеребец, пригодный для случки, – хрипло проговорил Жоффруа. – Я думал, вы окажетесь старухой, но ошибался. Мне будет приятно исполнять свои обязанности. – Его рука пропутешествовала по телу Матильды к лобковым волоскам. – Между прочим, я мастер искать в лесах потаенные источники.

У Матильды перехватило дыхание. Она хотела оттолкнуть его и в то же время испытывала возбуждение. Каким бы ни был этот ее мальчик-муж, он обладал огромным физическим обаянием.

– Я сделаю вам ребенка, вы ведь этого хотите? Этого ждете от меня вы и ваш отец?

Она смирila его ледяным взглядом:

– Делайте, что должны, и покончим с этим.

Он прижал ее к стене и начал целовать. Сквозь тонкий лен его брэ в живот Матильде уперся напрягшийся член – определенно, и в этом Жоффруа тоже был мужчиной. Сомнений не оставалось: он явно поднаторел в любовных делах, поскольку ни о какой неуклюжести не было и речи. Матильда рассчитывала, что сумеет отстраниться от происходящего, но, к собственному удивлению, отвечала на ласки мужа, и хотя ей было противно, они доставляли ей наслаждение. Она зажмурилась и перестала думать. Потом, потом. В тонком и гладком теле Жоффруа уже чувствовалась мужественность. Юноша. Мужчина. Возбуждение побуждало по ее венам как наркотик. Он все сильнее прижимал Матильду к стене, без устали работая бедрами, затем развернул ее и швырнул на кровать, приник к ее рту яростными губами и языком. После, весь во власти нетерпения, Жоффруа сорвал с себя рубашку, чулки, брэ. Матильда так и не открыла глаза, потому что не желала видеть эту его часть.

Он вошел в нее резко, но боли не было – ее лоно увлажнилось. Жоффруа и вправду отыскал потаенный источник. Женщина только сжимала кулаки, пока он, нависая над ней, двигался взад и вперед. Потом поднял ее ноги, положил себе на плечи и с новой силой вонзился в нее. У Матильды в животе нарастало напряжение. Она хотела, чтобы все поскорее закончилось, и в то же время ей было очень нужно, чтобы он продолжал, чтобы он сбросил ее с края пропасти в забытье. Но Жоффруа остановился. Приподнялся на кровати, оставив ее в подвешенном положении на долгий-долгий миг. Их взгляды встретились – скрестились, словно копья врагов на поле боя. И только тогда он кончил со стоном наслаждения и финальным толчком, а Матильда замерла. Ее затапливали волны ощущений. Они раз за разом вздымались и откатывали, вздымались и откатывали...

Жоффруа оторвался от нее и перекатился на спину.

– Хотя вы и смотрите на меня так, будто ненавидите всей душой, на самом деле оказывается, все совсем наоборот, а? – ухмыльнулся он и закинул руки за голову, открыв взору Матильды кустики рыжих волос под мышками. – Уверен, вам очень понравилось.

Матильда промолчала. Во рту у нее появился горький привкус.

– Он был стариком, ваш первый муж, – продолжал супруг. – Я намерен быть более энергичным в вашей постели, чем он.

– Вам ничего не известно о моем первом муже, – вспылила Матильда, борясь с тошнотой. – Он был великим мужчиной, – с нажимом на двух последних словах произнесла она.

– Зато мне известно главное: он мертв. – Жоффруа скосил на нее красивые глаза. – Теперь вы моя. Знаю, вы считаете меня ничтожеством, а ваш отец видит во мне лишь анжуйского петушка, который должен потоптать его курицу, но я граф Анжу, а мой отец будет королем Иерусалима. И у меня есть время, чтобы построить собственную империю.

– Но вам никогда не быть королем, даже когда я стану королевой, – возразила Матильда. – И императором не быть.

Жоффруа перевернулся на живот и посмотрел на нее:

– Вообще-то, золото на моей голове мало что означает в общем раскладе, хотя, миледи, я понимаю, что вы имеете в виду. Значение имеет только одно, и это – власть. Можете называть себя императрицей, и, возможно, однажды вы станете королевой, но здесь я ваш господин, и я требую послушания. Если я прикажу вам опуститься передо мной на колени, вы сделаете это.

Матильдой овладело невыразимое отвращение.

– И вы называете это мелочное тиранство властью... милорд?

Он сжал кулак и мягко провел им по ее подбородку – в этом ласкающем жесте сквозила нескрываемая угроза.

– Да, это власть.

Глава 11

Руан, август 1128 года

Вильгельм Д'Обиньи чудесно проводил время. К вечеру избранные придворные собрались в личных покоях короля, чтобы посвятить несколько часов общению и развлечениям. Вилл всегда радовался подобным вечерам: там пели, рассказывали истории, и это приводило его в восторг, как ребенка. У него был хороший слух и звучный, красивый голос, он умел играть на большинстве инструментов – и струнных, и духовых, поэтому его таланты пользовались спросом на таких собраниях.

Генрих кивал и притопывал, пока Аделиза рассказывала собравшимся историю. Среди слушателей было и несколько детей из королевского двора.

– Далеко-далеко, за семью морями, в высокой башне жила-была дама, и множество рыцарей желали добиться ее руки...

Сначала плавными движениями рук она изобразила волны, а потом вытянула руки вверх, чтобы показать высокую башню. Вильгельм не отрывая глаз следил за ее грациозными жестами. Прозрачную вуаль на голове королевы удерживали маленькие золотые заколки и две побольше, из слоновой кости, в форме мышек. Ее глаза сияли как шелковистое море осенним утром. В сердце Вильгельма шевельнулась боль, но это была хорошая боль. Аделиза настолько выше его, что он мог мечтать о ней издалека, не подвергаясь опасности. Ночное небо прекрасно, но до него не дотянуться.

С тех пор как императрица вышла замуж, жизнь в королевском дворце вернулась в обычное русло. Напряженность порой возникала, так как все ждали новостей о том, что Матильда беременна, однако после свадьбы прошло всего два месяца и было еще слишком рано, чтобы знать наверняка.

В присутствии императрицы Виллу всегда было не по себе. Она казалась ему холодной и твердой, как драгоценный камень, а ее характер, на его взгляд, более подходил мужчине, чем женщине. Конечно же, он восхищался ею, но симпатии к ней не испытывал.

– И все рыцари приносили даме роскошные и дорогие подарки, шелка и меха, духи и драгоценности, серебро и золото.

Пальцы рассказчицы помогали плести нить истории, и золотая вышивка на платье вспыхивала искрами каждый раз, когда она вздымала руки. Вильгельм с улыбкой посмотрел на зачарованные лица детей. Невинность – замечательное качество, но как легко оно утрачивается. Аделиза же сохранила неприкосновенной эту чистоту, хотя уже семь лет была женой циничного политика.

Король хохотнул, когда жена исполнила пируэт, взмахнула руками – это на море разразился шторм, и герою повествования пришлось нелегко на пути к своей судьбе – прекрасной даме. Потом Аделиза усадила всех детей в ряд, чтобы они изображали гребцов на судне героя.

– И вы тоже, Вилл, – сказала она и поманила его к себе с улыбкой в глазах. – Выбирайтесь из своего угла, вставайте-ка у штурвала!

Деваться было некуда. Косо ухмыляясь, краснея от смущения, Вилл присоединился к детворе и взялся за назначенную ему роль. Нельзя же отказать королеве, а кроме того, детей он любил, и стоило ему начать игру, как он полностью отдался ей. Войдя в образ рулевого, он громогласно выкрикивал распоряжения своей «команде», спасая корабль от волн и морских чудовищ до тех пор, пока зрители не покатались со смеху.

Когда судно целым и невредимым причалило к берегу, Аделиза первой захлопала в ладоши и вывела Вилла вперед, где он склонился в низком поклоне, чуть не коснувшись

темными кудрями пола. Затем королева, у которой пересохло в горле после долгой истории, отошла, чтобы выпить вина, и ее место занял один из внебрачных сыновей Генриха, Реджинальд.

Стоя рядом с Вильгельмом, Аделиза легонько провела ладонью по его рукаву.

– Кто бы мог подумать, что в вас скрывается столь храбрый и опытный мореход! – смеясь, произнесла она.

Вилл прокашлялся.

– Госпожа, в бурных морях проявляются мои лучшие качества, – хрипло ответил он.

– Я знала, что у вас все получится.

Она сжала его руку, заканчивая разговор. А мгновение спустя ее улыбка растаяла – маршал Гилберт вел к королю заляпанного грязью гонца. С каждым его шагом по комнате распространялся жаркий запах разгоряченного долгой скачкой тела и ощущение надвигающейся беды.

Повествование прервалось, и все уставились на вестника, опутившегося на колени перед креслом короля. Д’Обиньи овладело дурное предчувствие.

Курьер протянул Генриху запечатанное послание:

– Сир, я привез вести из Фландрии. Вильгельм Клитон мертв.

Генрих принял письмо, но вскрывать не стал.

– Рассказывай, – велел он.

– Сир, его ранили в руку во время схватки с пехотинцем при осаде Алста. Рана загноилась, и он умер от лихорадки. Больше нечего рассказывать.

Аделиза склонила голову:

– Царствие ему небесное...

Генрих взломал печать на послании. Известие опечалило его, несмотря на то что Вильгельм Клитон много докучал ему при жизни.

– Он был моим племянником, – произнес король. – Я глубоко скорблю о его кончине и прикажу, чтобы по нему отслужили заупокойную мессу.

Аделиза протянула к Генриху руку:

– Сир, нужно сообщить его отцу.

Вилл восхитился ее смелостью. Она вступала на опасный путь, упоминая старшего брата Генриха – Роберта, который вот уже двадцать с лишним лет был пленником короля и томился в замке Кардифф.

– Миледи, ваша доброта очень похвальна. – Генрих послал жене ничего не выражающий взгляд. – Я напишу ему. – Он щелкнул пальцами и приказал гонцу: – Найдите свежую лошадь и будьте готовы отправиться в путь.

– Сир. – Курьер с поклоном удалился.

Генрих в задумчивости прищурился:

– Теперь придется выбирать нового графа Фландрии.

– А что будет дальше? – воскликнул нетерпеливый малыш из группы детей, желая продолжения истории, и нянька бросилась утихомиривать его.

Генрих обернулся к нему.

– Я еще не решил, – сказал он. – Эту историю мы расскажем в другой раз.

Глава 12

Анжер, Анжу, лето 1129 года

Жоффруа опять напился. Матильда сжимала кулаки, слыша, как тот буянит со своими собутыльниками в соседней комнате. Она пыталась игнорировать его и вести свою жизнь отдельно от супруга, однако он не оставлял ее в покое: вечно околачивался поблизости с самодовольным видом, показывал ее всем, унижал перед друзьями. И чем дальше, тем хуже становилось его поведение, ведь она оставалась бесплодной, хотя он овладевал ею каждый день, когда у нее не было месячных и когда сношения не запрещались Церковью. А если жена пыталась обсуждать с ним вопросы правления, он орал на нее и даже бил. После того как его отец стал королем Иерусалима, Жоффруа получил корону Анжуйского графства и не имел никакого желания делить власть с супругой, особенно с такой, которая считает себя вправе иметь собственное мнение и противоречить мужу.

Он ввалился в покои жены, разливая вино из зажатого в руке кубка, раскрасневшийся, с осоловелым взглядом. За прошедший год Жоффруа стал еще выше и крепче. Его лицо обрело более четкие, мужественные черты, однако складывались они по-прежнему в выражение подросткового недовольства.

– Вы должны приседать при моем появлении, потому что я ваш муж и господин, – невнятно выговорил он, поскольку Матильда не покинула своего места в кресле под окном.

В ее груди вскипели ярость и протест.

– Нет, вы глупый мальчишка, – окатила она его презрением, – и я не собираюсь склонять голову перед младенцами.

– А вы дряхлая карга, слишком старая, чтобы иметь детей! – оскалился Жоффруа. – Может, вы не беременеете, поскольку ваш мужеподобный характер не позволяет вам быть настоящей женщиной. Вот какого урода навязали мне в жены!

– Мне в мужья навязали идиота, который ниже меня настолько, насколько куча дерьма ниже неба! – выпалила она в ответ.

Жоффруа подскочил к ней и ударил ладонью по лицу. Матильда обрадовалась боли, растекшейся по щеке, потому что эта боль подтверждала правоту ее мнения о супруге.

– Вы сами не настоящий мужчина, – с издевкой произнесла она. – Да, вы мой муж, но вы никогда не будете моим господином и навсегда останетесь лишь щуплым петухом на своей маленькой навозной куче! И никогда я не буду подчиняться вам, никогда!

– Клянусь небом, будешь, сука!

Жоффруа снова ударил Матильду, и она вскочила со стула и тоже ударила мужа изо всех сил, которые придали ей безысходность и отчаяние. Звук пощечины был резким и громким. Одним из колец она задела уголок его глаза. Он ахнул и отпрянул, схватился за лицо, а потом опустил ладонь и посмотрел на окровавленные пальцы.

– Богом клянусь, вы зашли слишком далеко!

Он поймал ее за руку и стал избивать, молотя кулаками с безоглядной юношеской яростью, которую алкоголь только усиливал. Поначалу женщина отбивалась, пинала его, до крови царапала ногтями, но Жоффруа был сильнее и быстрее.

А он знал, куда бить, чтобы каждый удар достигал цели, и вскоре Матильда упала на пол, и он пинал ее ногами под ребра до тех пор, пока мир для нее не превратился в алый мрак. Она едва осознавала, что он потащил ее к кровати. Из мрака вынырнула ужасная мысль: не собирается ли он изнасиловать ее перед своими приятелями. Со свистом выдыхая винные пары, Жоффруа расстегнул поясной ремень и примотал им руки Матильды к ножкам кровати.

– Вы научитесь делать то, что вам говорят! – проговорил он, задыхаясь от усилий и гнева. Пнув напоследок жену еще раз, он метнулся к двери и распахнул ее настежь, чтобы весь двор мог видеть его жену. – Запрещаю помогать ей и даже разговаривать с ней, понятно? – рявкнул он. – Вы слышите? С тем, кто ослушается, я поступлю так же!

Он протолкнулся через толпу притихших придворных, утирая рукавом кровь, текущую по его лицу. Люди расступались перед ним, потрясенные тем, что открылось их глазам, но были и такие, кто одобрительно кивал: непослушную бабу нужно учить, каким бы ни было ее звание или положение.

Матильда осталась лежать у кровати. Она чувствовала, что из разбитой губы идет кровь. Глаз заплыл, и каждый вдох был агонией. Она не плакала. Плакать было бы слишком больно, да и потрясение от случившегося не оставляло места слезам.

Через раскрытую дверь доносился говор дворцовой челяди. От стыда и унижения ей хотелось умереть, но гнев удерживал сознание на плаву. Время от времени слышались смешки кого-то из дружков Жоффруа, но Матильда знала: есть и такие придворные, у которых эта сцена вызывает неодобрение. Мужчина имеет право наказать жену, если она совершила проступок, но тот, кто переходит границы, в конечном счете проигрывает.

Матильда сосредоточилась на том, чтобы дышать – один короткий вдох за другим. Она не знала, что болит сильнее: лицо, ребра или руки. Ремень, которым Жоффруа привязал ее к кровати, впивался ей в запястья. Кисти рук вскоре потеряли чувствительность.

И тогда она поклялась, что выживет. Что бы ни делал с ней Жоффруа, ему не победить. Голоса за дверью стихли, там установилась тишина. Живущая в дворцовых подвалах мышка просеменила через комнату и уселась перед очагом, тщательно умываясь розовым язычком. Матильда наблюдала за ее юркими телодвижениями. А сама она сможет ли когда-нибудь снова ходить, сможет ли двигаться?

Жоффруа вернулся спустя несколько часов, и к этому времени тело Матильды занемело настолько, что она не могла даже шевельнуться. Муж прошагал к столу, налил себе вина и, подойдя к изножью кровати, присел на корточки, прикоснулся к отекающей щеке супруги.

– Ну же, – сказал он, – подчинитесь мне, станьте хорошей женой, и мы забудем обо всем этом.

Он приподнял ее и усадил спиной к кровати. Матильда не удержалась от крика боли. Жоффруа посмотрел на нее, покусывая губы.

– И что мне с вами делать? – произнес он задумчивым, рассудительным тоном, полным сочувствия. – Все, о чем я прошу, – это немного почтения и уважения, а вы набросились на меня как безумная.

Матильда промолчала. Это не она вела себя как безумная, это не она проявляла неуважение. Не отвязав ее, Жоффруа протянул ей кубок с вином, очевидно желая подчеркнуть, что она полностью в его власти. Матильда набрала вина в рот, ополоснула им разбитые, распухшие десны и потом, втянув через нос побольше воздуха, отчего грудь взорвалась резкой болью, выплюнула вино прямо мужу в лицо.

– Лучше умереть! – просипела она.

Жоффруа утер вино с исцарапанного лица. Его глаза полыхали зеленым огнем.

– Берегитесь своих желаний, жена, потому что я могу их исполнить!

– Так сделайте это! – хрипло крикнула она. – Сделайте, и да будет проклята ваша душа!

Он отбросил кубок в сторону и вытянул из ножен свой клинок. Проведя большим пальцем по лезвию, Жоффруа взглянул Матильде в глаза. Юноша ожидал увидеть страх, но нашел только упрямую злость и в самой глубине – странную пустоту, от которой у него кровь застыла в жилах.

– Вы плохая жена, – прошипел он. – Вы нарушили все ваши брачные обеты, и больше я не намерен этого терпеть. Возвращайтесь обратно к отцу. Я отрекаюсь от вас. Вы мне противны.

Нагнувшись, он разрезал ремень, стягивавший ее запястья. Матильда невольно застыла.

– Я прикажу упаковать ваши вещи. – Его голос был холоднее льда. – Когда я вернусь с охоты, вас не должно быть во дворце.

Жоффруа развернулся и вышел. Матильда услышала, как он свистом подзвал свою любимую собаку и заговорил с ней ласково и весело, словно был добрейшим человеком в мире.

Несчастная проглотила тошноту, зная, что если ее станет рвать, то изломанные ребра не выдержат. Цепляясь за край кровати, она поднялась на ноги, но едва могла удержаться из-за боли во всем теле.

– Я никогда не уступлю ему, – выдавила она.

«Никогда». Это слово докатилось до нее будто издали, и значило оно все и ничего.

Ее камеристки вбежали в комнату, испуганно оглядываясь. Когда Ули ухватила ее под руку, Матильде пришлось подавить вскрик.

– Пойдемте, госпожа, мы уложим вас в постель и позовем лекаря. – Ули отчаянно замахала другой служанке, чтобы та закрыла дверь.

Матильда качнула головой.

– Нет, – с трудом произнесла она. – Он хочет, чтобы я уехала, и я исполню его волю. Я не останусь здесь.

– Госпожа, вы не в состоянии куда-либо ехать! – Добрые карие глаза Ули обеспокоенно расширились.

– Все равно, таков мой приказ. – Матильда едва дышала, а приходилось еще и говорить. – Уложите мой сундук. Сейчас. Мой муж велел, чтобы я оставила его, и на этот раз я готова послушаться.

– Но, миледи, вы не можете сейчас сесть на лошадь! – ахнула Ули.

– Оседлайте белого иноходца, – едва слышно распорядилась Матильда. – Он идет ровно... – Она умолкла, собираясь с силами. – Подложите поверх седла и вокруг него побольше овчины. Велите конюхам... – Каждый вдох давался с огромным трудом. Она согнула спину, чтобы утишить боль в груди.

Ули уговорила ее сесть на кровать и послала пажа немедленно найти Дрого.

Он еще не вернулся в замок. К тому времени, когда его разыскали и привели в покои Матильды, половину ее вещей уже упаковали.

– Боже праведный! – Он в ужасе застыл на пороге.

– Я уезжаю, – слабым голосом сказала ему Матильда. – Проследите за тем, чтобы оседлали лошадей и приготовили эскорт. Мне понадобится повозка для моих женщин и багажа.

– Что он с вами сделал? – Губы Дрого искривились от отвращения при упоминании графа Анжу.

– Отпустил меня на свободу, – ответила Матильда, и ее отчаяние слилось с чувством невероятного облегчения. Как будто сквозь ее раны проросли крылья.

– Где он? – Дрого опустил руку туда, где должен был быть его меч, только был он сейчас безоружным, так как примчался к императрице из собора, где молился. – Жоффруа перешел всякие границы.

– Не надо, – остановила его Матильда. – Важно лишь то, что больше он не стоит у меня на пути. Вы просто погибнете или окажетесь в темнице. Делайте, как я говорю, и поскорее!

Дрого поклонился и вышел исполнять ее распоряжения. Обуреваемый гневом и чувством вины, он рычал на слуг, погоняя их. Паж получил затрещину за секундное промедле-

ние. Матильда прикрыла глаза и опустила голову. Казалось, вся ее жизнь состоит из ударов, пощечин и горькой ругани.

Во дворе для нее приготовили крепкого жеребца. Конь искоса взглянул на Матильду невозмутимым темным глазом. Его хвост ритмично мотался из стороны в сторону, отгоняя мух. Маленькая дочка конюха обвязывала его шлейку венком из ромашек и что-то напевала. В прошлом Матильда угощала девочку сладостями и теперь была встречена реверансом и широкой улыбкой, обнажившей пару дырок от недавно выпавших молочных зубов.

– Счастливого пути, госпожа, – прошепелявила девочка.

От доброго слова у Матильды защипало в глазах.

– Благослови тебя Господь, – прошептала она и отвернулась, чтобы скрыть набежавшие слезы.

Пока Дрого помогал ей взобраться на лошадь, Матильда чувствовала на себе любопытные взгляды. Кто-то смотрел на нее с сочувствием, кто-то с презрением. А одна из анжуйских придворных дам, Элис, злорадно улыбалась. Матильда отвела глаза от хищного лисьего лица и гибкой фигуры девушки. Если ей хочется забраться в постель к Жоффруа, путь открыт.

Дрого подоткнул шкуры, чтобы Матильде было обо что опереться.

– Я должен был быть рядом с вами, – пробормотал он. – Напрасно я отправился в церковь.

– Это ничего не изменило бы, – утомленно ответила Матильда. – Случилось то, что должно было случиться.

Взявшись за поводья, она собрала всю свою волю и, как только жеребец выехал со двора, выпрямила спину, чтобы покинуть Анжу с гордо поднятой головой. Она не знала, как справиться с предстоящим путешествием, однако вкус свободы придавал ей веры в себя. Кorteж вынырнул из-под арки ворот. Все. Больше Жоффруа не будет бить и унижать ее. Больше не придется ей терпеть грубость и издевательства. Да, отцу нужен был этот брак для укрепления границ и осуществления его политических замыслов, но пусть найдет иной способ достичь этих целей, и у нее будет время подумать об этом. Сейчас же главная ее задача состоит в том, чтобы осилить отрезок пути до следующего поворота дороги, до следующего дерева, до следующего дома, и каждый из этих отрезков уводит ее все дальше и дальше от брака с Жоффруа Анжуйским.

Аделиза сидела в королевских покоях Виндзорского дворца и слушала, как ее капеллан Герман читает бестиарий, а сама тем временем трудилась над алтарной пеленой для Редингского аббатства.

– Послушайте о еже, – нараспев читал капеллан. – Вот что это за творение. Еж создан по подобию маленькой свиньи, с шипами, торчащими из кожи. Во время сбора винограда он взбирается на лозу, где зреют гроздья. Он знает, какие ягоды самые спелые, и сбивает их, после чего спускается на землю и ложится спиной на виноградины, а потом сворачивается клубком. И когда ягоды оказываются крепко насаженными на шипы, еж несет их домой, своим детям.

Удивительная картина, описанная этими словами, сначала заставила королеву рассмеяться, но потом она посерьезнела. Это нужно рассказывать малышам, и она легко могла представить, какими движениями его дополнить, но имелся в этой истории и религиозный смысл. Еж символизирует собой дьявола, который уносит прочь людские души.

Герман остановился, чтобы перевести дыхание, и в этот момент в комнату, черный как туча, ворвался Генрих. Он был на охоте, и его еще окружали едкие миазмы конского и мужского пота. Он даже не успел пригладить седые волосы, примятые шапкой, и они торчком стояли у него на голове. В кулаке король сжимал кусок пергамента. Аделиза явственно ощущала волны ярости, исходившие от него, как горячий пар.

– Дражайший господин мой, в чем дело? – Быстро отпустив Германа, она приблизилась к Генриху.

– Прочитайте сами, – проревел он и сунул ей пергамент. – Моя дочь в Руане. Анжуйский щенок расторг брак.

Супруга ахнула:

– Но почему? – Прочитав первые несколько строк, она в ужасе прикрыла рот рукой. – Боже милосердный, зачем он так поступил с ней? – В полном непонимании Аделиза посмотрела на короля.

– А теперь прочитайте вот это. – Он дал ей второе письмо. – Это из Анжу. Гонцы едва не столкнулись у ворот. Жоффруа пишет, что он отрекся от Матильды, потому что она своевольна, не слушается его и то и дело оскорбляет. – (Королева подавила недоверчивое восклицание.) – Он пишет, что больше не намерен это выносить и что, пока она не поймет своих ошибок и не согласится признать его власть, он ее обратно не примет.

Аделиза закусил губу:

– Матильде не нравился этот брак. По-моему, она все еще тоскует по тому положению, которое имела раньше.

– Это был ее долг: сделать все для сохранения брака с анжуйцем. И я требую, чтобы мои дети исполняли свой долг передо мной, поскольку они обязаны мне жизнью и всем, что у них есть. – Генрих в раздражении так сжал губы, что они превратились в тонкую линию на гневном лице. – От своего зятя я также жду понимания, в чем состоит его долг. Если Жоффруа не может справиться с собственной женой, то мужчина ли он вообще? – Тяжело дыша, Генрих забрал у супруги послания. – Я хочу, чтобы вы немедленно отправились в Нормандию.

– Я?! – в полном смятении воззрилась на него Аделиза.

– Не могу же я оставить Англию из-за этой глупости. У меня слишком много дел. Пока вы занимаетесь моей дочерью, я отправлю к Жоффруа послов. Прошу вас разузнать, что именно произошло, и сделать все, чтобы добиться примирения.

Супруга оробела, хотя постаралась не подать вида.

– Что, если у меня не получится? Что, если примирение между ними уже невозможно?

Король был непреклонен.

– Я доверяю вашим талантам, моя дорогая. Работа королевы – быть миротворцем, это одна из главных ее задач. А коли вы не смогли дать мне сына, то хотя бы попытайтесь вернуть дочь.

Аделиза вздрогнула, как от резкой боли. Слова мужа были равноценны удару.

– Как пожелаете, сир, – выговорила она, едва справляясь с головокружением. – Я велю, чтобы немедленно начали собирать вещи в дорогу. – И вопросительно глянула на Генриха. – Вы напишете ей?

– Да, сию же минуту.

Он потопал из покоев тяжелой от гнева и несгибаемой воли походкой. Королева Англии закрыла глаза и прижала пальцы к вискам. Потом она взяла себя в руки и принялась раздавать прислуге указания насчет багажа. Если занять ум практическими вопросами вроде того, что ей понадобится в дороге и сколько времени займет путешествие, если касаться только внешней стороны жизни, то тогда она справится.

Когда Аделиза, одетая для поездки, появилась во дворе, возле смиренной кобылы ее уже поджидал Вилл Д'Обиньи. Лошадь была вычищена так, что бока блестели как шелковые. Рыцарь ласково поглаживал ей нос и что-то приговаривал. У Вилла на бедре висел меч, а подбитую мехом дорожную накидку скрепляла на плече круглая золотая брошь. Поскольку он, как и другие молодые рыцари при королевском дворе, представлял там отца, к тому же

был человеком надежным и в данное время ничем другим не занятым, честь сопровождать королеву выпала ему. Его широкие скулы окрасил румянец, когда он поклонился ей и помог подняться в седло. Королева поблагодарила его любезно, но рассеянно; она почти не обратила на него внимания.

Вилл повернулся к своему жеребцу, и в этот момент во двор вышел Бриан Фицконт. Он заторопился к ним с крайне озабоченным лицом. Поклонившись Аделизе, Бриан выпрямился.

– Госпожа, я только что узнал от короля новости об императрице. Как это ужасно!

Его беспокойство кое-что напомнило Аделизе.

– Действительно, печальное известие, – согласилась она. – Вы хотели что-то сказать мне, милорд?

Ее тон был мягок, но в нем слышалось предупреждение. До свадьбы Матильды Аделиза иногда замечала, что между падчерицей и Брианом существует некая связь. Ничего явного, конечно, и ни разу не нарушили они правил приличия, тем не менее связь чувствовалась – что-то вроде мимолетного дуновения.

Бриан отступил на шаг и кивнул:

– Зная ваше доброе сердце, я прошу вас о милости: передайте императрице мои наилучшие пожелания и скажите ей, что я молюсь о ней.

– Мы все о ней молимся, – ответила королева, – но ваши слова я передам ей. – Она подобрала поводья. – Господин Д’Обиньи, я готова.

Вильгельм знаком скомандовал кавалькаде трогаться, и Аделиза все внимание направила на свою кобылу, так что больше не видела и не слышала Бриана Фицконта. Положение критическое и без того, чтобы искать осложнений.

Глава 13

Руан, сентябрь 1129 года

Увидев Матильду, Аделиза пришла в ужас.

Лицо падчерицы было расцвечено фиолетовыми и желтыми пятнами заживающих синяков, передвигалась она со скованностью и медлительностью старухи. Однако в ее глазах светился яростный вызов, и королева Англии припомнила однажды виденную ею дикую кошку, которую загнали в угол и которая, несмотря на страх и боль, продолжала сопротивляться.

– О, моя милая! – Все еще в накидке и сапогах для верховой езды, мачеха пересекла комнату и обняла Матильду. – Что же с вами было?

Падчерица напряглась в ее объятиях и тихо ойкнула, и тогда Аделиза отступила.

– Что-то не так?

– Ребра... – поморщилась Матильда. – Они еще не зажили.

– Ребра? – Аделиза смотрела на нее с возрастающей тревогой.

Матильда пожала плечами:

– Им досталось не больше, чем остальным частям моего тела.

Ее мачеха потеряла дар речи. У нее не укладывалось в голове, что Жоффруа Анжуйский мог сделать такое с Матильдой, тем не менее доказательство у нее перед глазами. И она не могла не чувствовать себя виноватой: ведь по просьбе Генриха старательно уговаривала падчерицу согласиться на брак.

– О, дорогая моя, – повторила она, и слезы полились по ее щекам.

Глаза Матильды оставались сухими.

– Догадываюсь, что вас прислал ко мне мой отец – хочет, чтобы вы образумили меня.

Она жестом пригласила мачеху садиться и сама опустилась на подбитую шкурами скамью, пристроив рядом трость с рукояткой из полированного агата. Слуги принесли душистой воды, чтобы Аделиза вымыла с дороги руки. С королевы сняли сапоги и надели ей на ноги изящные вышитые туфли. Ей поднесли вино и маленькие пирожки.

– Да, меня прислал ваш отец, но это не единственная причина. – Покинув свой стул, она подошла и села на скамью рядом с Матильдой так, что их колени соприкоснулись. – Я здесь, потому что волновалась о вас. И теперь волнуюсь еще больше. – Она взяла ладони падчерицы в свои. – На вас нет обручального кольца.

Матильда вздернула подбородок:

– Я не вернусь к нему.

Аделиза обернулась и велела придворным уйти – вежливым, но не допускающим возражений тоном.

– Не вернусь, – повторила Матильда, когда за последней камеристкой закрылась дверь.

В очаге плясал огонь, потрескивали дрова. Со стороны сцена могла показаться самой мирной: две женщины сидят за дружеской беседой. Однако Аделизе казалось, словно ее вот-вот подхватит и унесет злая буря. И как же ей поступить? Генрих приказал ей убедить дочь помириться с мужем, но она понятия не имеет, как приступить к этому и надо ли вообще это делать.

Аделиза заметила, как грубы и сухи руки Матильды – за ними не ухаживали, а ведь это так не похоже на ее падчерицу, которая всегда считала необходимым следить за собой и выглядеть наилучшим образом перед подданными. Аделиза достала из своего дорожного ларца склянку с мазью и сняла крышку. Женщин окутал тонкий травяной аромат. Положив

себе на колени одну ладонь Матильды, она стала втирать в ее кожу содержимое склянки. С особым усердием Аделиза увлажняла трещинки между пальцами.

– Поговорите со мной, – мягко произнесла она. – Я не смогу вам помочь, если вы не расскажете мне все.

Матильда не отвечала. Мачеха подняла голову и увидела, что у падчерицы дрожит подбородок.

– Поплачьте, вам станет легче.

Матильда покачала головой.

– Больно плакать, – выдавила она натужным шепотом, но плотина уже была прорвана: из ее груди вырвался всхлип, потом еще один и еще – не столько плач, сколько болезненные рывки грудины, которые не приносили облегчения, и Матильде пришлось обхватить себя за ребра из страха, что их разорвет.

Мачеха приникла к ней в сочувственном объятии. У нее тоже вскипали слезы, но она старалась сдерживаться и не думать о том, в каком положении сама оказалась, зная, что не вынесет двойного бремени.

– Поговорите со мной, – повторила она и взяла салфетку со столика, чтобы Матильда промокнула глаза. – Иначе мне придется расспрашивать других, а они всей правды не откроют либо потому, что их она не устраивает, либо потому, что неизвестна им.

Матильда сглотнула ком в горле и заставила себя успокоиться. Поначалу говорить было трудно. Она не рассказывала об этом никому, кроме Ули и Эммы, хотя догадывалась, что сплетни разлетелись уже повсюду и что Аделиза наверняка слышала как минимум одну версию случившегося. А потому Матильда не представляла, как Аделиза воспримет ее историю, ведь при всей своей доброте и мягкости та была еще и супругой ее отца.

Матильда говорила тихо и медленно, и ей казалось, что ее слова повествуют о каком-то другом человеке или о ночном кошмаре, а не о том, что с ней было на самом деле. Ее синяки свидетельствовали, что все это правда, но разве такое возможно, ведь она императрица и дочь короля Англии!

Аделиза держала ее за руку и в немом потрясении, побледневшая, слушала печальную повесть о мучениях падчерицы.

– Мне все равно, – заключила Матильда, закончив. – Меня это больше не касается.

– Но это касается всех остальных, особенно вашего отца, – возразила Аделиза. – И я не думаю, что вам на самом деле все равно. Или вы уже не та женщина, которую я знала два года назад.

– Может, я действительно уже не та женщина, – сухо ответила Матильда. Она посмотрела на их сцепленные руки, и, когда заговорила вновь, ее голос смягчился, но не утратил решительности. – Я не могу вернуться. Знаю, вы хотите от меня примирения, только оно невозможно.

– Нужно время, чтобы боль прошла, я понимаю, – увещевала Аделиза, – еще рано что-то решать. Слишком много ошибок необходимо исправить. – Она заговорила громче, подойдя к главному. – Ваш отец сделает все, что в его силах, однако знайте: он не позволит расторгнуть этот брак.

Матильда убрала руку из ладоней мачехи.

– Я не поеду обратно к этому... этому самовлюбленному мальчишке, – отчеканила она.

– Может, если вы будете относиться к нему как к мужчине, он станет вести себя по-мужски.

Падчерица поднялась и отошла к окну.

– Вы не знаете, – прошептала она, стоя спиной к Аделизе. – Вам даже не представить... Мой отец никогда вас не бил, не ласкал на виду у баронов, не оставлял дверь опочивальни настежь, пока наслаждался вашим телом. А я должна позволять такое? – Она развернулась

и указала на свои заживающие кровоподтеки. – Я должна приседать в реверансе, улыбаться и говорить: «Вы были правы, что избили меня, мой господин»? Когда я была супругой Генриха, со мной обращались почтительно, достойно, с уважением. Теперь же посмотрите на меня. Вы согласны оказаться на моем месте? Согласны?

Аделиза потеряла виски.

– Если честно, то нет, – призналась она. – Давайте больше не будем говорить об этом сегодня вечером. Я хочу болтать с вами об обычных вещах и не хочу терять вашей дружбы... Пожалуйста. – Она протянула к Матильде руки в умоляющем жесте, со слезами на глазах, и Матильда смягчилась.

– Не надо, – попросила она дрогнувшим голосом, – а то я опять заплачу и затоплю слезами нас обеих. – Матильда вернулась на скамью и обняла мачеху. – Я очень рада видеть вас и тоже хочу побеседовать с вами о чем-нибудь приятном. Вы даже не представляете, как сильно я хочу этого.

– А я кое-что привезла вам из Англии, – вспомнила Аделиза, когда они разомкнули объятия. – Это принадлежит вам, и вам это нужно сейчас, как никогда. – Она отошла к своему дорожному ларцу и принесла оттуда расписной кожаный футляр, внутри которого лежала корона Матильды с сапфирами и золотыми цветами. – Я послала за ней в Рединг, – пояснила королева, вручая корону падчерице. – Она хранилась в алтаре под присмотром монахов, но мне показалось, что... нет, я точно знала, что должна привезти ее вам сюда.

У Матильды перехватило дыхание.

– Спасибо, – прошептала она и утерла со щеки дорожку слез. На этот раз они лились сами собой и приносили облегчение.

– Вы императрица, – сказала Аделиза. – И никто не сможет лишить вас этого. Никогда.

Ноябрьский день клонился к вечеру, и над голыми деревьями висело холодное алое небо, под копытами лошадей хрустел золотой гобелен последних листьев. Матильда и Аделиза ехали верхом по лесным тропинкам в Ле-Пети-Кевийи, одном из владений Генриха в окрестностях Руана.

Морозный воздух охлаждал легкие, и Матильда чувствовала себя живой и бодрой. За те дни, что она провела в Руане в покое и мирных занятиях, ее синяки исчезли, зажили раны и переломы. К ней возвращалось чувство собственного достоинства, она вновь хотела думать о будущем – о будущем, которого не было у ее младшего брата. Завтра будет отмечаться годовщина его гибели под Барфлёром, а этим вечером Матильда собиралась в храм ко всенощной, чтобы помолиться за упокой его души.

– Скоро мне придется возвращаться в Англию, – сказала Аделиза. – Я должна быть там к Рождеству. Этого ждет от меня ваш отец, есть и другие обязанности, хотя мне очень хотелось бы остаться с вами подольше. – Она глянула на падчерицу. – Вы точно не поедете со мной? Я была бы рада вашему обществу.

Матильда думала, что мачеха отправится в Англию гораздо раньше, возможно, к годовщине смерти Вильгельма, чтобы быть вместе с королем в этот скорбный день. Однако та решила, что останется в Руане, и за это Матильда была ей очень признательна. Пусть они разные, но их соединяла дружба, даже привязанность, и родственные узы. Матильда догадывалась, что Аделиза приехала не только чтобы поддержать ее, но и чтобы раздобыть для ее отца сведения и исполнить роль миротворца, но поскольку обе женщины хорошо знали друг друга, между ними существовало взаимопонимание.

– Отец справит Рождество в Вестминстере вместе с вами, – сказала Матильда. – Я сделаю то же в Руане. Тогда ни Англия, ни Нормандия не останутся без внимания нашего рода. Церковь и бароны станут привыкать ко мне как к представителю короля. – Она говорила с нажимом, поскольку понимала: потребуется убеждать в этом еще очень многих.

– Поступайте, как считаете нужным, – кивнула Аделиза, – но я буду скучать по вас.

И вдруг она ойкнула и натянула поводья, потому что мерин под ней споткнулся, захромав на заднюю ногу.

– Позвольте, госпожа.

Вилл Д'Обиньи, который возглавлял их эскорт из сержантов, соскочил со своего коня и спешно приблизился. Опытной рукой он провел по ноге мерина и приподнял ее.

– Камень в стрелке копыта, – объявил он и, вынув нож, ловко извлек застрявший там осколок. Копыто оказалось поцарапано острыми краями. – Ехать на мерине нельзя. – Вилл посмотрел на королеву. – Вам придется пересест к кому-то из нас.

Аделиза на мгновение растерялась, но потом кивнула:

– Помогите мне спуститься.

Покраснев до кончиков ушей, Д'Обиньи исполнил ее просьбу. Затем он привязал мерина к подхвостнику своего коня и, не зная, куда девать глаза от смущения, посадил Аделизу на серого красавца. Королева, сдержанная и корректная, поблагодарила его с холодной любезностью и выразила сочувствие травмированной лошади. Вильгельм убедился, что госпожа устроена должным образом, и взобрался в седло впереди нее. Его румянец стал еще гуще.

В Ле-Пети-Кевийи они возвратились, когда осенние сумерки окутали их серой шерстяной накидкой, а из ртов уже вырывались облачка пара. Мысли Матильды обратились к Бриану Фицконту. Она припомнила, как на дороге в Руан он так же посадил ее позади себя, и по ее телу побежало тепло. Память о Бриане ныла, как старая рана зимой. Время и расстояние разлучили их, и это, возможно, только к лучшему, но тихая боль осталась. Матильда скучала по нему. А он писал ей письма, предлагал приехать, если будет в том необходимость. Она отвечала формальными фразами, не позволяя своим истинным чувствам коснуться пергамента.

Перед конюшнями Вильгельм Д'Обиньи помог королеве спуститься на землю и отправился лично заняться хромым меринком. Аделиза посмотрела ему вслед с признательностью и потом выкинула всякие мысли о нем из головы – у входа в дом стоял гонец с сумкой через плечо. Ему принесли попить в глиняной чашке, и он, утолив жажду, беседовал с лакеем. Увидев приближающихся женщин, гонец поспешно опустил на колено. Матильда узнала его. Абсалом из Винчестера был одним из самых быстрых слуг ее отца.

– Какие новости? – Знаком королева попросила его подняться.

Абсалом явно испытывал неловкость.

– Госпожа, я на пути в Англию, везу запечатанные письма от графа Анжуйского. Переночую здесь и утром поскачу дальше.

– Вам известно, о чем говорится в этих письмах? – спросила Матильда.

Абсалом откашлялся:

– Только в общих чертах, госпожа.

– И что же это? – Холодный ветер морозил ей лицо, но Матильда знала, что не сможет уйти, пока не узнает, о чем пишет Жоффруа. – Скажите мне.

– Граф Анжу пишет, что он обдумывает сложившееся положение... и рад вашему продолжительному визиту в Руан.

Матильда фыркнула. Надо же, он обдумывает положение!

– А я рада тому, что я не в Анжу, – заявила она. – К утру я приготовлю свои письма, чтобы вы передали их моему отцу. Зайдите ко мне перед тем, как отправитесь в путь.

– Хорошо, миледи.

Она пристально посмотрела на него:

– Как вам показался анжуйский двор?

Абсалом переминался с ноги на ногу:

– Ну... обычный двор... как любой другой, которым правит молодой господин. Много забав, много охоты, по вечерам лихое веселье...

Матильда поморщилась, вспомнив все это.

Гонец помолчал в нерешительности и добавил:

– Я скажу вам кое-что, потому что вы все равно скоро узнаете. Любовница графа понесла и ведет себя при дворе так, словно она графиня.

– Любовница? – переспросила Матильда.

– Ее имя – Элис из Анжера, госпожа. Она расхаживает по дворцу, держа руку на животе, и граф осыпает ее шелками и драгоценностями.

– Быстро же она заняла мое место, – презрительно заметила Матильда. – Пусть делает, что хочет. Они достойны друг друга.

Абсалом на этом отпустили, и он удалился в поисках еды и места для ночевки. Женщины проследовали в свои покои, чтобы подготовиться к службе в память об утонувшем принце.

– Нужно что-то делать! – воскликнула Аделиза, как только они остались вдвоем. – Это непристойно. У вашего отца есть любовницы, он большой любитель женщин. Но ни одной из них не позволено так вести себя, даже когда они рожают от него детей. – На последнем слове ее голос дрогнул, и мачеха подняла палец, не давая Матильде перебить ее. – И не убеждайте, что вам все равно, потому что это ложь. Вам не все равно, и это правильно, потому что опозорена ваша честь и ваше положение.

– Поверьте, это не важно, – наконец остановила ее Матильда. – Я уже говорила вам: к нему я не вернусь. Пусть сидит в своей конуре с потаскухами, сколько пожелает.

В Руанском соборе служили всенощную за упокой души брата Матильды, чьи останки уже девять лет лежали на дне бухты Барфлёр. Женщина поцеловала филигранный крест, который архиепископ поднес к ее губам. Она сама с трудом удерживает голову над волнами, плывя через бурное море к суше; но вот беда: где берег – неизвестно. Ее лодка потонула, когда умер Генрих, а что касается судна под управлением Жоффруа... Нет, она предпочтет утонуть. Это не спасение – то, что он ей предлагает.

Четки скользили между ее пальцами, словно гладкая холодная галька. Сбоку слышалось тихое бормотание мачехи и постукивание ее четок. Она тоже в открытом море? Перебирая бусины четок, считает, сколько месяцев и лет не смогла зачать? На щеках мачехи, как жемчужинки, поблескивали слезы, подсвеченные пламенем свечей. Утонувшие в слезах печали. Матильда опустила голову и закрыла глаза.

Глава 14

Анжер, июнь 1131 года

Жоффруа поморщился от крика своей годовалой дочери на руках няньки. У девочки были такие же, как у него, волосы – яркая, будто солнце, масса рыжих кудряшек. Зелено-вато-карие глаза она унаследовала от матери, но сейчас они крепко зажмурены в сердитом реве. Малышку называли Эммой в чести матери Элис, и она была презабавным существом, если не вопила.

Дочь будет полезна, когда придет время укреплять власть брачными союзами. Король Англии Генрих породил внебрачных дочерей больше, чем пальцев на руках, и всех выдал замуж с политической выгодой для себя. Да, байстрюки – это совсем неплохо.

Элис, вновь тяжелая, страшно огорчилась, родив ему дочь, и настаивала, что на этот раз в ее чреве растет мальчик. Последний месяц беременности она, как водится, проведет в постели в отдельных покоях, чему Жоффруа втайне радовался: ему хотелось отдохнуть от ее вздорных требований. Его терпение было на исходе, но, по крайней мере, плодовитость Элис доказывала силу его семени.

Сейчас она встала перед ним, поддерживая рукой свой объемный живот. На каждом ее пальце сверкали золотые кольца, а длинное платье волочилось далеко позади нее беззвучной декларацией высокого статуса.

– Вы не можете поехать сейчас в Компостелу, – протянула Элис.

Дело в том, что в последнее время Жоффруа подумывал о том, чтобы отправиться в паломничество.

Собор Святого Иакова в Компостеле был одним из самых почитаемых мест в христианском мире, но Жоффруа хотел поехать именно туда в пику своей супруге, для которой святой Иаков имел особое значение: Матильда тайком вывезла руку святого из имперской сокровищницы, а ее отец преподнес святыню Редингскому аббатству. Жоффруа сомневался в том, что святой Иаков сохранился нетронутым, но, с другой стороны, рассуждал он, для святого, который совершил чудесное перемещение из Иерусалима в Испанию, несколько утраченных костей ничего не меняли.

– Почему это? – нетерпеливо буркнул он. – До родов мы все равно не сможем видеться. Моей же душе будут полезны молитвы, а телу – движение.

– Сир, вам не следует уезжать, – заговорил один из его рыцарей по имени Энгельгер де Богун. – По крайней мере, до тех пор, пока у вас не появится законный наследник и до разрешения вопроса с вашей женой.

– Никто не смеет указывать, что я должен делать! – обозлился Жоффруа.

«Жена», – с горечью подумал он. Как ни странно, ему не хватало Матильды. В нем существовала потребность быть победителем, а отъезд супруги лишил его триумфа. Жоффруа мечтал покорить ее и носить на перчатке как прирученного ястреба. Он хотел, чтобы ему завидовали другие мужчины, видя, как императрица исполняет любые его желания и приказы. Элис ему наскучила, потому что была всего лишь глупой садовой птичкой, нацепившей на себя павлиньи перья, зато Матильда настоящая. И Жоффруа оказался в тупике. Настаивать на расторжении брака он не мог, потому что тогда настроит против себя Генриха Английского и потеряет королевство и герцогство, которые рассчитывал получить после смерти Генриха. Если он хочет власти, то должен принять сучку обратно.

Элис пролепетала ластивым голоском:

– Хотя бы дождитесь, когда родится ваш сын, милорд, или пошлите кого-нибудь другого вместо себя помолиться святому.

Жоффруа метнул на нее раздраженный взгляд и сжал губы. Дочка продолжала реветь, и, потеряв терпение, граф взмахом приказал няне унести ее. Когда женщина покидала комнату со своей извивающейся краснолицей подопечной, ей навстречу вошел лакей и поклонился господину:

- Сир, прибыл гонец из Англии с письмами от короля Генриха.
- Проводите его в мои покои, – распорядился Жоффруа. – Я поговорю с ним наедине.
- Сир. – Лакей снова поклонился и ушел.

Жоффруа щелкнул пальцами, подзывая любимого пса Бруина, и покинул придворных и разобиженную любовницу. В одиночестве он поднялся по лестнице на верхний этаж в свои покои, где обычно занимался делами. Пергаментные свитки и книги счетов теснились на открытых полках. На полу стоял книжный сундук, заполненный доверху томами религиозного и светского содержания. Перед мягкой скамьей удобно расположился пюпитр. Жоффруа любил эту комнату. Все в ней напоминало ему об отце, потому что раньше они часто работали здесь вместе, решая проблемы графства. Он даже повесил на крючок у двери старую мантию отца, чтобы казалось, будто тот где-то рядом.

Посланец Генриха привез письма, но устно его ничего не просили передать, помимо обязательных приветствий. Жоффруа отпустил его и устался на скрепляющую пергамент печать Англии из коричневого воска с красно-зеленым плетеным шнуром. Наконец он взял со стола ножик для заточки перьев и взломал ее. У его ног собака плюхнулась на пол и со вздохом опустила голову на вытянутые передние лапы.

Начиналось письмо обычной формулировкой: Генрих, милостью Божьей король Англии и герцог Нормандии, приветствует тебя. Само послание, написанное рукой писца, состояло из перечня условий, которые должен выполнить Жоффруа для того, чтобы Матильда вернулась к нему. У Жоффруа засосало под ложечкой. Генрих не знает, чего просит, хотя ему следовало бы знать. Старик, думал Жоффруа, потакает любимой дочери и оттого поступает неразумно. Он перечитал письмо и снова не мог поверить тому, что видели его глаза.

Чтобы ей оказывали почет и должное уважение в ее дворцовых покоях, чтобы ей дали слуг, которых она сама выберет. Чтобы Элис из Анжера запретили появляться при дворе и в любом другом месте, где может пребывать императрица...

Жоффруа опустил кулаки по обе стороны пергамента.

– В своем графстве я буду поступать так, как сочту нужным! – зарычал он.

Чтобы императрица сама распоряжалась своей челядью. Чтобы ей было дозволено самой отправлять и получать любые письма...

От этих слов у него закололо сердце. Как он сможет доверять ей, если не будет знать, что она пишет?

Чтобы на людях, торжествах и публичных церемониях к императрице обращались уважительно. Чтобы повсюду ей выделяли отдельные покои и сопровождали дамы по ее выбору. И чтобы ты, Жоффруа, никоим образом, никогда не причинял ей никакого вреда, если только так не повелит церковный суд...

Жоффруа так сжал челюсти, что заболело все лицо.

И так продолжалось пункт за пунктом. Что Жоффруа отвечает за благополучие Матильды перед самим Генрихом, что к ней следует относиться как к дочери короля... Со своей стороны, Генрих проследит за тем, чтобы бароны вновь принесли Матильде клятву верности, а также внушит дочери, что она должна быть хорошей женой и подчиняться мужу.

И если все эти условия ты выполнишь, я буду счастлив иметь тебя своим зятем.

Жоффруа смял пергамент в кулаке и бросил комок в стену. Он-то не был счастлив, прочитав это послание. Подразумевалось, что король мудр, однако слова эти могли принадлежать только глупцу. Увы, этого глупца приходится слушаться.

Быстрым шагом Жоффруа вышел из своих покоев, потому что ему требовалось место, чтобы излить гнев. Бруин, вывалив язык, тут же побежал вслед за ним. Он был собакой, его вера и послушание не нуждались ни в каких условиях.

– Собака лучше, чем жена, – пробормотал Жоффруа и крикнул, чтобы оседлали его лошадь.

Быстрая скачка принесет ему ощущение свободы, пусть иллюзорное.

– Все решено, – известил Генрих, – ты возвращаешься к мужу. Он согласился исполнить все условия, которые я поставил ему от твоего имени.

Он вручил ей листы пергамента, что держал в кулаке, испещренным старческими пятнами.

У Матильды упало сердце. Здесь, в Руане, она провела счастливейшие дни с тех пор, как покинула Германию. Ее покои были удобны, духовную пищу она получала в аббатстве Ле-Бек. Здешние обитатели уважали ее, и жизнь текла гладко, без потрясений. Она молилась о том, чтобы брак признали недействительным, но теперь, когда Жоффруа доказал плодовитость своего семени, породив дочь, надежды на аннуляцию почти не оставалось.

Еще Матильда рассчитывала на то, что Жоффруа официально отречется от нее и сам попросит о том, чтобы их брак расторгли. Очевидно, он посчитал, что будет выгоднее сохранить их союз. Она перечитывала слова, составленные регламентированным языком писцов. Внизу висела печать Жоффруа с его портретом, выдавленным на воске. По крайней мере, у нее будет собственный мирок из приближенных и слуг, и это будут люди, которых подберет она сама, и все-таки выбор делает не она.

– Но возвращаешься не сразу, – уточнил отец. – Кое-кто из епископов и баронов жаловался, что клятва, которую они принесли тебе в Вестминстере, недействительна, потому что твой брак не согласовали с советом, как должно. Я хочу, чтобы до твоего отъезда в Анжу все заново поклялись тебе в верности. Ты поедешь со мной в Англию, и все пройдет по закону.

– Кто именно жаловался? – Но Матильда и сама догадывалась. – Солсбери?

Ее отец кивнул.

– Как и следовало ожидать, – бросил он. – А что бы он ни сказал, ему вторит епископ Илийский. И еще Галеран де Мелан должен принести клятву, поскольку теперь его освободили из тюрьмы.

Матильда заметила, что отец сжал кулаки. Он всегда опережал соперников на ход или два. Его первым оружием была дипломатия, но обычно он подкреплял ее угрозами и силой.

– А блуаская родня? – спросила Матильда. – Я слышала, вы дали кузену Генриху епископский престол Винчестера.

Король пожал плечами:

– Он способный распорядитель и хорошо послужит тебе, когда придет время. Стефан и Тибо – твои двоюродные братья, и жена Стефана приходится тебе кузиной. Подкармливая, мы заручаемся их поддержкой. Я не предвижу никаких трудностей с тем, чтобы уговорить их повторно поклясться тебе.

– Но сдержат ли они эту клятву? Вы сейчас заставите всех повторить присягу, но это только чтобы соблюсти закон. Или вы пытаетесь дважды связать людей обетом, поскольку боитесь, что они могут нарушить его?

Его лик потемнел.

– Никто не смеет обманывать меня! – отрезал Генрих. – Никто не нарушит слово, данное мне. – Костяшки его пальцев побелели, а тяжелым взглядом он дал понять дочери, что последняя фраза относится и к ней. – Ты родишь мне здоровых внуков, которые унаследуют от меня королевство и будут править под моим присмотром, а после под твоим и при поддержке родственников, если понадобится.

Матильда не спросила, что случится, если Господь распорядится иначе, так как знала, что этим только разозлит отца. Она поедет в Англию, и снова мужчины опустятся перед ней на колени и принесут ей клятву верности, что бы та для них ни значила, – короли, епископы, землевладельцы. А потом Матильда вернется к Жоффруа в захолустный анжуйский двор, от которого триста пятьдесят миль до Англии и сто двадцать миль до Руана. Если Господь распорядится иначе, что с ней станет?

Ее мантия полоскалась на ветру. Матильда гуляла вместе с Брианом Фицконтом по стене Нортгемптонского замка, разглядывая город, лежавший к западу от холма, на котором стояла крепость. Первые осенние ветры обрывали листья с деревьев, и река Нин под крепостной стеной рябила тусклыми оттенками серого и синего. Если ветер не стихнет, то морское путешествие на материк будет неприятным, но зато коротким. В ее покоях прислуга укладывала сундуки. Чувствуя себя загнанной в угол, Матильда решила подышать свежим воздухом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.